

Черная кошка

Николай Леонов

Стальной десерт (сборник)

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Стальной десерт (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо», — (Черная кошка)

Во время празднования дня рождения в своем доме убит бизнесмен Кирилл Роточков. В числе подозреваемых — гости, близкие и дальние родственники именинника, его персональный водитель. Есть и мотивы преступления: личные счеты с убитым, деловые неурядицы, любовные дела. Сыщики Гуров и Крячко строят одну версию за другой и уже близки к разгадке, как вдруг появляется новая жертва: отравлен младший брат Роточкова, Олег. К тому же выясняется очень важное обстоятельство. Оказывается, покойный активно спонсировал подпольные боксерские поединки, где играл на тотализаторе. В этом бизнесе участвовал и один из гостей бизнесмена.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И.
© Эксмо

Содержание

Стальной десерт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Николай Леонов

Стальной десерт

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Стальной десерт

6 мая. 2 часа 46 минут

Роточков налил себе рюмку дорогого коньяка, слегка взболтал содержимое и залпом опрокинул в рот. Он подхватил с блюда дольку лимона, пососал ее, а затем выплюнул в ведро из-под шампанского, стоящее рядом с диваном, в котором к настоящему моменту не осталось ничего, кроме подтаявшего льда. Кирилл блаженно откинулся на спинку кожаного дивана.

На огромном плазменном экране домашнего кинотеатра беззвучно заливалась горячими, почти настоящими слезами героиня какой-то дешевой бессюжетной мелодрамы. Но Роточкову не хотелось переключать канал. Ему вообще в эту минуту ничего не хотелось. Он просто наслаждался приятным и беззаботным мгновением.

Сорок шестой день рождения удался на славу. Если бы только не эта гнида!.. Но Роточков тут же отогнал негативное воспоминание. В конце концов, оно не заслуживало такого пристального внимания на фоне всего остального.

Он налил себе еще одну рюмку коньяка. Не было никакой необходимости поспешно возвращаться к гостям. В последнее время Кирилл стал быстро уставать от всей этой суеты с хвалебными речами, чествованиями и тому подобной чепухой. Он успел пресытиться ими еще в молодости. Во времена своих былых громких побед. Сейчас многое изменилось.

А о гостях вполне могла позаботиться и Наташка. Она-то как раз любила оказываться в центре всеобщего внимания и никогда от этого не уставала.

Да и братец тоже способен поддержать угасающее веселье в случае необходимости, вернуть пошловатый анекдотик, наполнить опустевшие бокалы, предложить тупую игру в шарады. По этой части Олегу не было равных. И славу богу. Хотя на что-то его младший брат был способен.

Роточков криво ухмыльнулся, вспомнив тост, произнесенный Олегом в самом начале застолья:

– Я всегда равнялся на своего старшего брата! Вернее сказать, старался это делать прежде и поступаю так до сих пор. Но, как известно, дотянуться до звезды невозможно. Именно сегодня, когда тебе стукнуло сорок шесть, Кирилл, я вдруг совершенно четко осознал это. Пора мне прекратить свои тщетные попытки и просто восторгаться тобой. Что я, кстати, советую делать и всем собравшимся. – Он окинул взглядом немногочисленных гостей. – Уверен, что мы вот так же соберемся и еще через сорок шесть лет. Пусть эти годы станут самыми яркими и насыщенными в твоей жизни, Кирилл. Пусть все то, чего ты добился сегодня, будет лишь малой крохой по сравнению с тем, чего ты еще добьешься.

Галка, сидевшая рядом с виновником торжества, радостно захлопала в ладоши, затем потянулась к Кириллу и шумно чмокнула его в щеку.

– Я люблю тебя, братец, – призналась она.

– А кто его не любит? – вернула Светлана. – Такого человека, как наш Кирилл, нельзя не любить.

Андрей снял с мангала очередную порцию сочного ароматного шашлыка и свалил его в огромное блюдо, стоявшее по правую руку от именинника. Он еще ничего не сказал в адрес своего друга, но Роточков по опыту знал, что Андрей готовит какой-то грандиозный спич, время для которого еще попросту не пришло. Он найдет подходящий момент. Так было всегда.

– Мне тоже есть что добавить, – подал голос Павел.

Он поднялся из-за стола и лихо, по-гусарски наполнил водкой все рюмки, кроме одной. Кирилл Роточков никогда не пил водку, предпочитал ей коньяк. Об этой его особенности знали все участники застолья.

– Я уже сбился со счета, сколько лет знаю Кирилла. За это время я ни разу не видел его унывающим. Если он сталкивается с проблемами, то никогда не опускает рук. Ни в спорте, ни в бизнесе. Держит удар, что называется. И за эту его особенность стоит выпить отдельно. Потому что, не будь ее, Кирилл никогда не стал бы тем, кем он является сейчас. Да и все мы, благодаря ему, тоже. Чего уж там греха таить. – Павел замолчал и привычным жестом разгладил усы.

Последняя реплика вызвала всеобщий одобрительный смех. Кирилл тоже позволил себе скупую улыбку. Единственное, чему он был действительно рад в этот момент, так это тому, что не стал отмечать день рождения в душном пыльном мегаполисе, а вывез всех своих родных и близких сюда, в загородный коттедж. Погода для начала мая выдалась просто роскошная.

– Мне лучше шампанского, а не водки, – жеманно попросила Зиночка. – Можно? А то я от водки совсем дурная становлюсь.

Павел проявил галантность, налил девушке шампанского в высокий фужер.

– За тебя, Кирилл! – провозгласил он, и все выпили.

Наташка поднялась из-за стола, слегка взъерошила имениннику жесткие непослушные волосы, затем нагнулась и нежно поцеловала его в макушку.

– Я ненадолго, – шепнула она.

Роточков величественно качнул головой в знак согласия.

– Захвати еще коньяка, – сказал он ей вслед.

Пикник в честь сорок шестого дня рождения Кирилла тогда только начинался.

Роточков выпил очередную рюмку коньяка. На этот раз закусывать лимоном не стал. За все минувшие сорок шесть лет он ни разу не помнил себя пьяным. Такого просто не случилось. Это никак не зависело от количества выпитого. Природа-матушка наградила Кирилла Александровича поистине богатырским здоровьем.

Роточков равнодушно мазнул взглядом по экрану телевизора. Он машинально отметил для себя, что сцена страданий главной героини, такой очаровательной, но, увы, несчастной, все еще продолжалась. Кирилл хотел было плеснуть в рюмку новую порцию коньяка, но с удивлением обнаружил, что бутылка успела опустеть.

Он бросил ее в ведерко из-под шампанского, поднялся с дивана и неторопливо прошествовал в дальний угол кабинета, к бару, встроенному в стену. Кирилл на ходу щелкнул зажигалкой, прикурил сигарету. Пустая рюмка оставалась у него в руке.

Он распахнул правую створку бара, в то же мгновение услышал за спиной шаги и обернулся. В полумраке на фоне винтовой лестницы, уходящей вверх, что-то мелькнуло. Затем в световое пространство вошел человек.

Роточков вздрогнул дважды. В первый раз от неожиданности, а второй – когда заметил огромный кухонный нож, блеснувший в лучах электрического света. Кирилл узнал этого мужчину.

– Ты? – Сигарета сорвалась с нижней губы именинника и с шипением приземлилась прямехонько в рюмку. – Какого лешего?..

Клинок рванулся вперед, готовый пронзить грудь жертвы, но Роточков ловко перехватил руку, атакующую его. Запястье человека, покушавшегося на убийство, попало в жесткий захват. Все попытки вырваться из него оказались тщетными.

Однако в следующую секунду нож взмыл вверх, совершил кувырок в воздухе и приземлился в левую руку преступника. Роточков не успел среагировать на этот финт. Сталь

со свистом рассекла сначала воздух, а затем и мягкое податливое горло именинника. Бело-снежная рубашка быстро пропиталась густой липкой кровью.

Роточков захрипел, пошатнулся и рухнул лицом вниз. Рюмка, в которой так и болталась сигарета, покатила по ковру с гладким ворсом и остановилась только у ножки дивана. Пятно крови под распластанным телом стремительно увеличивалось в размерах. Блики от экрана телевизора отплясывали на макушке Кирилла.

Убийца отступил во мрак. Некоторое время он стоял неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то, а затем растворился на фоне лестницы.

В ведерке из-под шампанского равнодушно похрустывали тающие кубики льда.

4 часа 11 минут

Полковник Крячко первым прошел через калитку и тут же шарахнулся в сторону. В его направлении с диким лаем рванулась огромная лохматая овчарка, удерживаемая цепью.

– Вот черт! – выругался Станислав. – А ведь я мог с перепугу и пристрелить эту злую тварь. Но не сделал этого. Спрашивается, почему? Потому что для любого оперативника главное что?

– Что? – живо откликнулся лейтенант Беспалов.

Для него это был первый выезд на место преступления в составе опергруппы. А когда лейтенант узнал, что ему придется работать в связке с такими опытными и матерыми сыскарями главного управления, как полковники Гуров и Крячко, он и вовсе пришел в восторг. Для Беспалова эти двое были не люди, а самые настоящие боги. Любому оперативнику хоть раз, но доводилось слышать какую-нибудь совершенно невероятную, но абсолютно правдивую историю, связанную с работой этих легендарных сыщиков.

– Самообладание! – веско изрек Крячко.

Он не мог упустить случая произвести впечатление на молодого сотрудника. Гуров, замыкавший шествие, выразительно хмыкнул. Напарник недовольно обернулся на него.

– А что? – вскинулся он. – Разве это не так? Я, между прочим, делюсь опытом с подрастающим поколением. Проходи, лейтенант, не стой столбом. Ты можешь пока просто наблюдать и мотать на ус. Учись, одним словом.

– Понял, товарищ полковник, – сказал Беспалов и кивнул.

Оперативники прошли в дом. Участковый, плотный краснощекий мужчина со свежими бесформенными пятнами пота под мышками, встретил их на пороге. Он обменялся с каждым крепким рукопожатием, а потом молча указал направо. Московские гости миновали низкое арочное перекрытие и оказались в том самом помещении, где и произошло убийство.

Практически весь ковер, на котором лежало тело, был пропитан кровью. С противоположной стороны имелся еще один вход. Наверх уходила винтовая лестница. Молодой человек в сером костюме старательно обрабатывал перила специальной кисточкой. Второй эксперт, облаченный в бледно-голубую рубашку, колдовал возле бара, встроенного в стену.

Гуров не стал подходить к телу. Некоторое время он просто разглядывал его, прищурив левый глаз.

Затем Лев Иванович обернулся к участковому, пыхтевшему за его спиной, и спросил:

– Каким образом совершено убийство?

– Затрудняюсь сказать на сто процентов, товарищ полковник. Мы не стали ничего трогать до приезда судмедэкспертов. К телу, разумеется, тоже не прикасались, тем более не переворачивали его. – Участковый качнул головой в направлении жертвы. – То, что у него перерезано горло, видно и сбоку, но мы пока не знаем, есть ли еще какие-то раны в области груди.

– Это хозяин дома?

– Да. Роточков Кирилл Александрович, семидесятого года рождения. Ему сегодня исполнилось сорок шесть лет. Вернее, уже вчера, – поправился участковый. – Он как раз отмечал свой день рождения.

– Который так неприятно закончился, – ввернул Крячко.

Лейтенант Беспалов улыбнулся.

Гуров пропустил реплику напарника мимо ушей и осведомился:

– Кто обнаружил тело?

– Водитель Роточкова, Яков Глинский. Он сказал, что приехал, как и договаривался с шефом, к трем часам ночи, зашел сюда, увидел покойника и сразу позвонил.

– Где он сейчас?

– В гостиной. Как и все остальные, – сказал участковый, на пару секунд снял фуражку и смахнул со лба пот тыльной стороной ладони. – Я велел им всем собраться в одном месте. Гостиная – самое просторное помещение.

– Сколько человек?... – Гуров был мрачен и предельно собран.

– Восемь. Водитель и семеро гостей именинника.

– Которые на момент убийства предположительно находились в доме? – уточнил полковник.

– Так точно. В доме или на территории, прилегающей к нему, – проговорил участковый и перевел дух.

Он дышал так тяжело, словно только что побил рекорд Усейна Болта в беге на сто метров, и далось ему это крайне нелегко.

– Они все в один голос утверждают, что ничего не слышали и не видели.

– Это понятно, – сказал Гуров.

– Ночь на дворе, но я все равно собирался пройтись, опросить соседей, – сообщил участковый. – Кто-то из них мог заметить подозрительные машины или еще что-то.

– Пройдитесь, конечно, – откликнулся Гуров. – Хотя я не думаю, что это даст какие-то результаты. Убийца здесь, в доме. Среди гостей.

– С чего вы так решили, товарищ полковник? – с немалым азартом осведомился Беспалов.

Гуров окинул его взглядом с головы до ног, а затем неохотно пояснил:

– Собака, лейтенант. Вы, конечно, видели и помните, как она бросилась на нас, когда мы вошли. Если бы на территорию проник кто-то посторонний, то ее лай слышали бы люди, находящиеся не только во дворе, но и в доме. Однако собака молчала. Это значит, что на территорию не входил ни один человек, не знакомый ей. Идите в гостиную, лейтенант, и начинайте работать со свидетелями, запишите их анкетные данные, – распорядился Лев Иванович. – Мы сейчас подойдем.

– Лева! – окликнул напарника Крячко. – Взгляни-ка!

Станислав рискнул подойти к телу жертвы чуть поближе, но так, чтобы не наступить на окровавленный ковер. Он присел на корточки и указал Гурову пальцем на то, что привлекло его внимание. Манжет рубашки Роточкова слегка задрался, и на его запястье можно было разглядеть характерные ровные царапины от ногтей.

– Свежие, – выдал собственную оценку Крячко. – Готов поспорить, что женские.

– С тобой в этой области не потягаешься, Стас, – с улыбкой проговорил Гуров. – С твоим-то богатым опытом!..

За спиной сыщиков послышались неторопливые шаркающие шаги, и они обернулись. На фоне арочного перекрытия появился сутулый медицинский эксперт с неизменным сак-вояжем в руке.

– Вижу, работа тут уже прямо-таки кипит, господа, – сказал он вместо приветствия. – А я, знаете ли, никак не смог бы приехать раньше. Меня подняли прямо с постели, а в моем возрасте это не есть хорошо. Да вы и сами все понимаете.

– Понимаем, Самуил Маркович. – Гуров по опыту знал, что дискуссия со стариком могла затянуться надолго. – Но раз уж вы все-таки добрались сюда, то приступайте. Тело никто не трогал. Чем раньше у нас будут результаты по вашей линии, тем лучше. Прошу вас обратить особое внимание на левое запястье жертвы. Там есть царапины. Я хочу знать, кто их оставил. Интуиция подсказывает мне, Самуил Маркович, что это сделал кто-то из персон, присутствующих в соседней комнате.

– У вас есть-таки подозреваемый? – Самуил Маркович слегка изогнул белесые брови и аккуратно разгладил свою бородку клинышком. – Уже?

– К сожалению, не один, – сказал полковник и вздохнул: – Пора уже взглянуть на них. Идем, Стас. Не будем мешать работе уважаемого Самуила Марковича.

Они прошли в гостиную. При их появлении лейтенант вскочил с высокого табурета, стоявшего у стойки бара, и вытянулся в струнку. В руках он держал блокнот и шариковую ручку.

Гуров пристальным взглядом окинул людей, собравшихся в гостиной, и представился. Как и сказал участковый, их было восемь.

Во главе большого обеденного стола сидела женщина с красными от слез глазами. Она все еще всхлипывала и время от времени делала глоток воды из высокого прозрачного стакана. На ней было яркое бордовое платье с вызывающим декольте. Одна бретелька скатилась с плеча. При появлении сыщиков дама даже не подняла глаз.

– Жена покойного, – пояснил лейтенант, протягивая Гурову блокнот. – Наталья Роточкова. Наталья Сергеевна, если быть точным. Рядом с ней брат убитого, Олег Александрович.

Полковник сфокусировал взгляд на худощавом мужчине средних лет с зелеными, глубоко посаженными глазами и высоким лбом с двумя залысинами, острыми, как ножи. Олег ответил сыщику таким же открытым взглядом, но выдержал не более полуминуты, опустил голову и устался в стол.

Рядом с ним сидела блондинка в вечернем небесно-голубом платье. Она нервно, очень беспокойно потирала руки в таком темпе, словно собиралась добыть огонь.

– Его супруга. Светлана, – вполголоса продолжал докладывать Беспалов. – Затем, с краю, тот самый водитель покойного, Яков Глинский, который и обнаружил тело.

Глинский хотел было подняться в знак приветствия, как это делают ученики при появлении учителя в классе, но тут же стушевался, посчитал такую вежливость неуместной и остался сидеть на стуле, растерянно озираясь вокруг. Его большой нос был немного свернут набок, жесткие волосы упрямо топорщились в разные стороны. Синяя джинсовая рубашка была расстегнута едва ли не до пупа.

Гуров продолжал хранить молчание. Его взгляд скользнул дальше. На противоположной от Натальи Роточковой стороне стола разместился крепкий, атлетически сложенный мужчина в черном пиджаке, надетом поверх бежевой футболки. Он попыхивал сигаретой, крепко сжатой в зубах, и пускал через ноздри дым, окутывающий его аккуратно подстриженные усы.

– Павел Воронов, – сообщил лейтенант, перехватив взгляд полковника. – Насколько я понял, он работал вместе с убитым. Партнер по бизнесу или что-то в этом роде. С остальными я не успел познакомиться, товарищ полковник. Из них очень сложно что-то вытянуть.

– Послушайте! – Воронов решительно поднялся из-за стола.

Он вытащил сигарету изо рта. Пепел сорвался с ее края и упал на пол. Никто не обратил на это ни малейшего внимания.

Павел притушил окурок в пепельнице и заговорил:

– Давайте я облегчу вашу задачу, ускорю процесс. Все мы после бессонной, так трагически завершившейся ночи. Нам хочется наконец-то отправиться по домам. Мы все сегодня потеряли близкого человека. Каждый из нас по-своему переживает случившееся. Одни в большей степени, другие в меньшей. Это вполне нормально. Я, как правильно заметил ваш сотрудник, господин полковник, состоял с Кириллом в деловых отношениях. Мы вместе поднимали наш бизнес, связанный с ресторанами и магазинами. Если вы хотите в деталях узнать, в чем именно он заключался, то я, разумеется, расскажу вам об этом. В любое удобное для вас время. – Павел замолчал, развернулся лицом к людям, сидящим на угловом диванчике салатного цвета рядом с окном. – Теперь о тех, кто еще не представился. Это сестра Кирилла, Галина. – Он указал рукой на женщину с растрепанными русыми волосами, забившуюся практически в самый угол и подобравшую под себя крупные босые ноги. – Его друг Андрей Доронин, с которым они были знакомы еще со школьных времен. Девушка Андрея, Зинаида. Фамилии ее я, к сожалению, не знаю. Мы не настолько давно и хорошо знакомы.

– Моя фамилия Ромашенко, – едва слышно отозвалась Зинаида.

При этом она тоже не подняла головы и не рискнула взглянуть в лицо сыщику. Пальцы ее рук, лежащих на коленях, слегка подрагивали. Короткая юбка позволяла лицезреть длинные стройные ноги Зинаиды едва ли не в полном объеме.

Доронин, расположившийся рядом, одной рукой обнимал девушку за плечи, а в другой держал пустую рюмку, накрыв ее ладонью сверху. Его тонкие губы были настолько плотно сжаты, что фактически терялись на лице, выбритом идеально, как говорится, до синевы.

– Вот, – подытожил Воронов после небольшой паузы. – Теперь вы знакомы со всеми, господин полковник. Вы довольны? – Павел продолжал стоять, широко расставив ноги.

Гуров ответил не сразу. Он подошел к стойке бара, взял высокий табурет, выдвинул его в центр гостиной и сел таким образом, чтобы держать в поле зрения всех присутствующих. Лев Иванович задумчиво покрутил в руках блокнот, переданный ему лейтенантом, а затем бросил его в руки владельцу. Беспалов ловко поймал блокнот на лету и спрятал во внутренний карман пиджака.

Крячко занял место за мраморной стойкой, придвинул к себе вазочку с арахисом, не глядя, зачерпнул горсть и отправил себе в рот.

– Скажу вам вот что, господа, – наконец-то проговорил Гуров, не столько отвечая на вопрос Воронова, сколько обращаясь ко всем сразу. – Доволен я буду тогда, когда найду убийцу хозяина этого дома. Никак не раньше. А что касается знакомства с вами, то пока у меня нет ничего, кроме ваших имен. Все остальное нам еще только предстоит.

– И сколько это займет времени? – Павел определенно взял на себя роль лидера в вопросе переговоров с представителями власти.

– До тех пор, пока убийца не будет найден.

– Не понял? – Бизнесмен, владеющий ресторанами и магазинами, нахмурился: – Вы намекаете на то, что все мы здесь под арестом? Я прав?

– Это не совсем точная формулировка, – спокойно произнес Гуров. – Но в целом все выглядит именно так. Я буду с вами откровенен, господа. Кстати, надеюсь на такое же отношение к себе с вашей стороны. Убийца находится здесь, в доме. Более того, он в этой комнате. Это один из вас.

Последние слова сыщика прозвучали для всех присутствующих как гром среди ясного неба. Но отреагировал на них каждый по-своему.

Наталья перестала всхлипывать, и глаза ее испуганно округлились. Олег мотнул головой так, словно пропустил неожиданный хук с правой. Светлана уткнулась лицом ему в грудь. Яков нервно заерзал на стуле. В эту минуту он успел пожалеть о том, что вызвал по телефону оперативную группу. Павел сел на прежнее место и двумя энергичными тычками загасил сигарету в хрустальной пепельнице.

– Вы так изящно шутите, господин полковник? – осведомился он, но прежнего вызывающего тона в его голосе уже не было.

Галина еще плотнее подобрала под себя босые ноги. Андрей побледнел. Цвет его лица сделался идентичным тому, которым отливала кафельная плитка на полу. Зинаида оторвала руки от колен и закрыла ими лицо. Дрожь с пальцев перекинулась ей на плечи. Это было нервное, либо она беззвучно рыдала.

– Нисколько. – Гуров покачал головой. – Я уверен в этом на девяносто пять процентов. Конечно, существует вероятность, что мое мнение ошибочно, но я не стану рисковать из-за нее. Никто не покинет этот дом, пока мы не разберемся в ситуации. Это я вам гарантирую.

Полковник взглянул на наручные часы. Стрелки показывали половину пятого утра. За окнами забрезжил робкий рассвет.

Крячко закинул в рот еще одну порцию арахиса. Активная работа его мощных челюстей была единственным действием, которое нарушало тишину, установившуюся в гостиной.

В дверном проеме появилась сутуловатая фигура медицинского эксперта.

– Лев Иванович, – осторожно окликнул сыщика старик. – Не уделите ли вы мне пару минут вашего драгоценного времени?

Гуров поднялся с табурета.

– Конечно. – Сыщик двинулся к выходу, на секунду остановился рядом с Беспаловым и приказал: – Лейтенант, позаботьтесь о том, чтобы дом никто не покинул. Если понадобится, вызовите наряд. Ответственность за это в любом случае полностью лежит на ваших плечах. – С этими словами полковник взял под локоть медицинского эксперта и вышел из гостиной.

Крячко наткнулся на растерянный взгляд Беспалова, усмехнулся и заявил:

– Да, лейтенант, работа опера – это еще и огромная ответственность. Неужели я не упоминал об этом, пока мы ехали сюда? Кстати, угощайся. Отличный арахис!

В сопровождении Самуила Марковича Гуров вернулся в кабинет покойного хозяина дома. Двое мужчин в одинаковых синих комбинезонах вышли им навстречу. Они увозили на каталке труп, упакованный в черный брезентовый мешок.

Сыщик молча проводил их взглядом до двери, затем повернулся к эксперту и осведомился:

– Итак, чем порадуете, Самуил Маркович?

– Я вас умоляю, Лев Иванович, – старик взмахнул обеими руками. – Чем тут можно радовать? Мне все тяжелее и тяжелее сталкиваться со смертью. Начинаешь невольно задумываться о скоротечности жизни. Был человек, и нате вам, нету его. Пора-таки мне на пенсию. Сарочка все время об этом говорит.

– Вам еще рано думать о заслуженном отдыхе, Самуил Маркович, – приободрил старика полковник. – Да и мы без вас не справимся. Так что все-таки скажете?

Самуил Маркович тяжело и шумно вздохнул и проговорил:

– Смерть наступила в интервале от двух до трех часов ночи. Причина – ножевое ранение шеи. Потеряно очень много крови. Никаких других признаков насилия не наблюдается. Не считая, конечно, тех царапин на запястье, на которые вы мне указали.

– А что насчет них?

– Царапины свежие. Нанесены приблизительно в то же самое время. Это след от ногтей. Предположительно женских. – Когда Самуил Маркович говорил по делу, его речь теряла присущую ей расплывчатость и неторопливость.

Напротив, в такие моменты он докладывал сухо, четко, лапидарно. Как истинный профессионал.

– Для того чтобы назвать вам имя человека, оставившего эти следы, мне нужны образцы ногтей подозреваемых.

– Они у вас будут, – заверил Гуров. – Женщины в соседней комнате. Их четверо. Займетесь этим прямо сейчас?

– Да, конечно.

– Сколько времени вам понадобится для установления идентичности?

– У меня нет с собой лаборатории, Лев Иванович. – Эксперт развел руками. – Нужно везти образцы самому или вызывать человека. Ведь для этого...

– Сколько? – Гуров был категоричен.

Самуил Маркович наморщил лоб, прикинул что-то в уме и ответил:

– Два часа. Это максимум.

– Начинайте.

4 часа 42 минуты

– Итак. Наталья... Сергеевна? Верно? – спросил Лев Иванович.

– Можно просто Наталья, – ответила женщина. – Я чувствую себя древней старухой, когда ко мне обращаются по имени и отчеству.

– Хорошо, – Гуров согласно кивнул. – Я учту это.

По просьбе хозяйки дома они расположились в зимнем саду, заняли удобные плетеные кресла друг напротив друга. Наталья села таким образом, чтобы в поле ее зрения находился небольшой фонтанчик. По ее словам, вид и звук льющейся воды помогали ей успокоиться.

Полковник также позволил женщине на пару минут подняться в спальню и переодеться. Бордовое платье с вызывающим декольте сменилось на простенькие джинсы и белую рубашку мужского покроя. Глаза Натальи уже не были такими красными от слез, но она все еще беспокойно комкала в руке носовой платочек и время от времени прикладывала его к уголкам глаз. Эти жесты казались Гурову несколько театральными, но он пока не стал заострять на этом особого внимания.

– Согласно данным медицинской экспертизы, ваш муж был убит в интервале между двумя и тремя часами ночи. Где в это время находились вы?

Наталья гордо вскинула голову и смерила сыщика презрительным взглядом. Начало беседы ей совершенно не понравилось.

– Вы подозреваете, что это я убила Кирилла? – с вызовом произнесла она.

– Давайте без лишнего пафоса, Наталья, – спокойно парировал Гуров. – Я уже сказал в гостиную, что под подозрением находится каждый человек, присутствующий в доме на момент убийства. Вы – не исключение из правил.

– Но начали вы именно с меня.

– Вы – супруга погибшего, самый близкий к нему человек.

– И самый заинтересованный в его смерти. Вы это хотите сказать?

– Нет, – честно признался Гуров. – А почему вы должны быть заинтересованы в этом больше других?

– Да бросьте, полковник! – Наталья недовольно поморщилась, переложила скомканный платок из одной руки в другую. – Все вы прекрасно понимаете. Да и я тоже не совсем дура. Не так уж и сложно угадать ход ваших мыслей. Он слишком примитивен. Кирилл – богатый человек. Был таковым. Я, как его жена, являюсь прямой наследницей всего состояния. Вы, разумеется, думаете, что я убила мужа ради наследства.

– Я ничего пока не думаю. Мне для начала необходимо представить себе всю картину, располагать фактами, чтобы сделать хоть какие-то определенные выводы.

– Для этого с меня сняли отпечатки пальцев, а затем подвергли еще какой-то странной унижительной процедуре с подрезанием кончика ногтя. – Она подняла правую руку на уро-

вень лица и продемонстрировала полковнику неровно подпиленный ноготь на указательном пальце. – Это стандартная процедура?

– При данных обстоятельствах, да, – жестко отчеканил Гуров. – А тот факт, что я предпочел побеседовать с вами в первую очередь, можно истолковать и иначе.

– Это как же?

– Вы можете стать первой, с кого будут сняты подозрения, Наталья. В данном случае я действую методом от противного, не ищу виновного, а отсекаю тех, кто наверняка не причастен к убийству вашего мужа.

Нехитрая уловка сыщика возымела свое действие. Вызов исчез из взгляда женщины. Она заметно расслабилась, вновь приложила платочек к внутренним уголкам одного глаза, затем другого. Вдова посмотрела в огромное панорамное окно на розарий и беседку, где вчера вечером отмечался день рождения мужа. Грязную посуду и остатки трапезы так никто и не убрал.

Наталья глубоко вздохнула и сказала:

– Хорошо. Что вы хотите знать, полковник? Где я была с двух до трех часов ночи? – Она пожала плечами: – Я не могу этого вспомнить с абсолютной точностью. Было застолье, гости, мы изрядно выпили. Потом Кирилл удалился в свой кабинет, и мне пришлось полностью взять на себя функции хозяйки торжества.

– Когда он ушел? – спросил Гуров.

Наталья помолчала пару секунд.

– Опять же не могу сказать вам точно, поймите. Я не следила за временем. Может быть, это и было как раз около двух. Но точно после полуночи. Я помню только, что мы взяли шампанское и пошли к бассейну, а Кирилл остался в беседке. С Павлом. Они о чем-то немного поговорили, выпили. Потом Кирилл пошел к себе в кабинет.

– Один?

– Да. Он часто так делал в последнее время. – В глазах Натальи блеснули слезы. – На любом семейном мероприятии. Ему надоедала компания, и он уходил уединиться, хотел просто побыть наедине с самим собой, в тишине. Мы все давно привыкли к такому его поведению. Иногда он возвращался обратно, в другой раз нет. Сразу шел спать.

– Понятно, – сказал Гуров. – А что остальные? Вы говорили, что отправились к бассейну. С кем?

– С Андреем и с Зиной.

– Когда было обнаружено тело Кирилла, вы все еще находились там? У бассейна? Втроем?

– Ну да, – неуверенно протянула Наталья и снова бросила взгляд за окно.

По тропинке в сторону беседки неспешно шествовали полковник Крячко и Зинаида. Сыщик галантно придерживал девушку за локоток.

– Дело в том, что... в общем, вы должны понять, мы не готовились ни к чему подобному, и никто не следил ни за временем, ни друг за другом. Разумеется, мы не сидели безвылазно у бассейна два или три часа кряду, ходили в сауну, потом возвращались обратно. Вода еще не очень согрелась, но мы купались в бассейне.

– Всегда вместе? Втроем? – продолжал легонько напирать полковник.

– Я одна отлучалась попариться. Да и Зина с Андреем отходили. Эта девушка сегодня впервые попала в нашу компанию. – Наталья наконец-то перестала комкать свой платок и опустила его в нагрудный карман рубашки. – Они с Андреем познакомились недавно. Он, как бы это сказать... все еще обхаживал ее. Приносил шампанское, сопровождал в сауну. Я не могла и не хотела все время быть рядом с ними. Не желала мешать. Понимаете? Я сейчас припоминаю... – Женщина чуть помолчала. – Прибежал Яша, сообщил про труп и про то, что он уже позвонил в милицию. Я как раз была в бассейне одна. Он еще бросил

мне полотенце, оставленное на лежаке. Я хотела сразу бежать к Кириллу, но Яша остановил меня. Сказал, что он точно мертв и там ничего не стоит трогать до приезда полиции, то есть вас. Не могу сказать вам, где находились в этот момент Андрей и Зина. Полагаю, что в сауне, но не знаю наверняка. В тот момент я вообще мало что понимала. На меня как ушат холодной воды опрокинули. Яша это сделал. Кирилла убили. Я до сих пор до конца не осознала всего этого. Его нет?.. – Глаза Натальи наполнились слезами, но про платок в кармане она забыла.

Ее взгляд устремился на работающий фонтанчик и замер.

Гуров дал ей время немного успокоиться, выдержал паузу.

– А Павел? – спросил он через пару минут.

Наталья встрепелась, вышла из оцепенения:

– Что – Павел?

– Вы сказали, что он был в беседке вместе с Кириллом до того, как ваш муж ушел, – осторожно напомнил полковник. – Павел так и остался сидеть в беседке?

– Какое-то время да. А потом я не видела его. Не знаю, куда он делся. – Наталья быстро оглянулась через плечо, убедилась в том, что они с Гуровым абсолютно одни в зимнем саду, подалась вперед, понизила голос до шепота и быстро проговорила: – Я скажу вам откровенно, полковник. Не хочу никого чернить или сыпать обвинениями без видимых к тому причин, но если кому и была выгодна смерть Кирилла, так это в первую очередь Павлу.

Гуров изогнул правую бровь и осведомился:

– Почему вы так думаете?

– Бизнес, – уверенно ответила Наталья. – В крупных делах всегда так. Конкуренция. А она ведь, как известно, бывает не только внешней, но и внутренней. Да, после смерти Кирилла его имущество достанется мне. Это так. Но не бизнес. Все рестораны и магазины отойдут Павлу Воронову. А это гораздо больше, чем получу я. Как, по-вашему, серьезный мотив?

– Вполне, – согласился Гуров. – И мы эту версию обязательно проработаем. Между вашим мужем и Вороновым происходили ссоры?

– Бывали. Они частенько спорили.

– А в последнее время?

– И в последнее время тоже.

Манера речи Натальи изменилась. Гуров не мог не заметить этого. В женщине вдруг появилась твердая решимость запятнать честь одного из потенциальных подозреваемых. Но, к сожалению, пока она была основана исключительно на эмоциях.

Полковник не мог опираться на информацию такого рода. Однако он машинально отметил тот факт, что теплых чувств между Натальей Роточковой и Павлом Вороновым не было. Во всяком случае, с ее стороны. Это могло пригодиться сыщику в дальнейшем.

– Где были остальные, Наталья? – Гуров решил немного изменить курс. – Сестра Кирилла? Его брат с женой? О них вы пока что не упомянули. Когда вы видели их в последний раз?

Женщина задумалась, но не надолго.

– Про Галину ничего не скажу. Не обратила внимания. За ней водится привычка исчезать незаметно. Как мышка. Скорее всего, она ушла спать, я думаю. А что касается Олега и Светланы... они точно ушли из-за стола до Кирилла. В последнее время в их отношениях что-то разладилось. Нельзя сказать, что их брак идет ко дну, но конфликты возникают достаточно часто. Вчера они, кажется, тоже повздорились. Кирилл в категорической форме велел им не портить праздник и идти выяснять отношения в другое место. Они ушли в комнату для гостей. Потом Олег вернулся. Это я сейчас точно вспомнила. Да, он пришел и осушил одну за другой три рюмки водки.

– Кирилла уже не было? – насторожился Гуров.

– Мне кажется, еще был. Да, точно. Он что-то сказал брату насчет этих трех рюмок. Но я не слышала, что именно. Андрей с Зиной как раз решили пойти к бассейну, и мне тоже захотелось ополоснуться. Я пошла с ними. Но об этом я уже говорила. Простите. – Наталья энергично потерла виски двумя руками. – У меня голова вдруг что-то сильно разболелась. Разрешите мне принять таблетку. Мы ведь можем продолжить позже, не так ли?

– Разумеется, – милостиво согласился Гуров.

Наталья рывком поднялась с плетеного кресла, одернула рубашку и быстро сбежала по ступеням зимнего сада. Гуров пристально смотрел ей в спину, пока женщина не скрылась в кухне.

Только после этого сыщик поднялся и направился в гостиную. Ничего конкретного выудить из разговора с женой погибшего полковнику не удалось. Впрочем, он и не рассчитывал на моментальную откровенность со стороны кого-либо из подозреваемых. Их еще требовалось разговорить.

4 часа 59 минут

Они миновали тропинку и зашли в беседку. Станислав помог девушке сесть, сам расположился рядом и непроизвольно мазнул взглядом по аппетитным голым коленям Зинаиды. Если бы Крячко познакомился с ней при иных обстоятельствах, то не преминул бы закрутить легкий недолговременный роман без взаимных обязательств. Но сейчас он не мог позволить себе даже невинного флирта. Зинаида запросто могла оказаться тем человеком, который безжалостно полоснул ножом по горлу Кириллу Роточкову.

Полковник неспешно достал из кармана свежую пачку сигарет, распечатал ее и вытряхнул две штучки. Одну вставил в рот, вторую протянул девушке. Зинаида отрицательно покачала головой.

– Я ни в чем не виновата, – пробормотала она, уронив голову на грудь и не глядя на сыщика. – Я не убивала его. Клянусь! Вы должны мне верить.

– А я и верю. – Станислав щелкнул зажигалкой, глубоко затянулся и пустил под потолок беседки густую струю дыма.

– Правда?

Девушка наконец-то взглянула на него. В ее черных, как омут, глазах блеснуло что-то светлое, похожее на надежду. Дважды быстро хлопнули длинные ресницы. Назвать Зинаиду красивой у Крячко не повернулся бы язык. На его взгляд, она была просто великолепна.

– Правда.

– И вы меня отпустите?

– Отпущу, конечно. – Крячко отыскал на столе пепельницу, полную окурков, поставил ее перед собой, сдвинул в сторону тарелку с остатками весеннего салата. – Но сначала я хочу, чтобы вы помогли мне, Зиночка. Я ведь могу называть вас так? Вы не возражаете?

– Нисколько. – Девушка робко улыбнулась и осведомилась: – А в чем я должна вам помочь?

– Отыскать убийцу.

Зина поспешно спрятала руки под стол.

– Боюсь, я не в силах, полковник...

– Просто Стас, – подсказал Крячко.

– Да, простите. Но, боюсь, я действительно не в силах вам помочь, Стас. Я впервые оказалась в этой компании, никого тут не знала. Ну, кроме Андрея, конечно.

– Вы давно встречаетесь с ним? – живо поинтересовался сыщик.

– Не очень. Мы познакомились на Пасху у одной моей подруги. Так получилось, что она свела нас. Специально пригласила в одну компанию. Его и меня. Потом было два свидания. Сегодня всего лишь третье. Андрей пригласил меня на день рождения к своему другу. К убитому... Кириллу. Ужасное вышло свидание. Правда?

– Да уж, – согласился Крячко. – Хуже не придумаешь. Все же я рассчитываю на вашу помощь, Зиночка. Расскажите мне все, что сможете припомнить о вчерашнем вечере и, главное, о сегодняшней ночи.

Она отрицательно затрясла головой. Ее роскошные волосы, аромат которых Крячко мог уловить даже с такого расстояния, каскадом рассыпались по плечам.

– Это обязательно? Мне так не хочется быть втянутой во всю эту историю. Я ведь никого не убивала. Зачем вам эти мои рассказы?

– Это обязательно, Зиночка. – Крячко потянулся и слегка погладил руку девушки чуть выше локтя.

Вопреки желанию полковника, этот жест получился слишком интимным. Зинаида испуганно отшатнулась. Пальцы Крячко словно обожгли ее. Сыщик поспешно отдернул руку. Зинаида задрожала.

– Извините. Вам холодно? – осведомился он.

– Нет. Это нервное. Скорее всего. Я постараюсь вспомнить. Честное слово. Что именно вас интересует?

– Где и когда вы в последний раз видели убитого?

– Здесь, за столом, – быстро ответила Зинаида, и такая поспешность насторожила полковника. – Точное время не скажу. Я не следила за часами. Мы все сидели тут в беседке, выпивали, было весело. Потом Андрей предложил поплавать в бассейне. Я согласилась. Кажется, Наташа, жена Кирилла, тоже пошла с нами. Мы немного поплавали, потом сходили в сауну. Но ничего такого не было! Вы не подумайте!

– Я и не думал. – Крячко докурил сигарету, погасил ее в пепельнице и окинул взглядом стол, не убраный после ночной гулянки.

Грязные тарелки, полупустые бутылки из-под спиртного различной крепости. Водка, шампанское, коньяк, martini. Блюдо с шашлыком, остывшим, покрывшимся белым холодным жиром. Довольно внушительное количество.

Станислав почувствовал, как у него заурчало в желудке. Позавтракать он сегодня не успел, а легкий перекус в виде арахиса не сильно спас положение.

– Что было после сауны?

– Ничего. – Зинаида вновь слишком быстро отреагировала на его вопрос. – То есть, я хочу сказать, ничего особенного. Мы просто хорошо проводили время. Бассейн, сауна, выпивка. Потом снова сауна. Опять бассейн. Еще немного шампанского. И так по кругу. Было очень весело, пока не случилась эта трагедия.

– Понятно. А где вы были, Зиночка, когда стало известно об убийстве?

– В бассейне.

– С Андреем?

– Нет. Не совсем. Он как раз пошел за новой бутылкой шампанского. Предыдущая как раз закончилась, а мне захотелось выпить. Андрей предложил водки, но я отказалась. Не переношу ее. Пить-то могу, но потом мне становится дурно. Почти сразу, а не под утро, как у обычных людей. Андрей пошел за шампанским. Я плавала и вдруг услышала отчаянный вопль. Женский. Это, кажется, Наташа кричала. Я испугалась, выскочила из воды как ошпаренная, стала спрашивать, что случилось, но никто ничего толком не говорил. Меня начало трясти. Как сейчас. Меня всегда дрожь бьет на нервной почве. А потом прибежал Андрей. От него я и узнала, что Кирилла убили.

– Долго его не было?

– Кого? – не сразу поняла Зинаида.

– Андрея. Сколько времени он отсутствовал, пока ходил за шампанским?

Краем глаза Станислав отметил две запечатанные бутылки шампанского на столе. И еще одну початую. Бассейн, о котором шла речь, находился совсем близко, метрах в двенадцати от беседки. Никак не больше.

– Я не засекала. А что? Вы думаете, это Андрей убил?

– Не знаю. – Крячко пожал плечами. – А у него мог быть повод?

Впервые за все время их разговора Зинаида помедлила с ответом. Она хранила молчание где-то минуты полторы.

– Не могу сказать, – наконец-то сдавленно произнесла девушка. – Откуда я могу это знать, если ни с кем здесь не была знакома раньше? Следовательно, я не могла знать и того, есть ли у кого-то повод для убийства. Это ведь должен быть серьезный момент? Да?

– Полагаю, что да, – отозвался Крячко и тут же поинтересовался: – А кого вы спрашивали до этого о том, что случилось?

– Простите?.. – Зинаида вновь очаровательно взмахнула ресницами.

– Вы сказали, что выскочили из бассейна и стали спрашивать, что случилось, – напомнил Станислав. – У кого? Кто был рядом с вами еще у бассейна?

Девушка растерялась, услышав столь простой вопрос. Этот факт совсем не понравился сыщику.

– Не помню. Я сильно испугалась. Наташа вроде бы была там. Да и этот всклокоченный водитель, который привез нас с Андреем вчера на машине Кирилла. Я не запомнила его имя.

– Яков, – подсказал Крячко.

– Наверное. Там был еще кто-то, но все происходило слишком быстро и громко. Суета, крики. Да, кто-то из мужчин. Но не Андрей.

– Олег? Павел?

– Не знаю. Не помню. Я не обратила внимания.

Крячко закурил еще одну сигарету. Девушка явно разволновалась, переживая заново события двухчасовой давности. Станислав дал ей время на то, чтобы успокоиться. Он взял со стола относительно чистый фужер, плеснул в него немного шампанского из початой бутылки, протянул Зинаиде и в очередной раз скопил глаза на ее ноги. Мини-юбка сдвинулась чуть выше, открылся потрясающий обзор.

– Выпейте и успокойтесь, – предложил полковник. – Уверен, что если вы перестанете так нервничать, Зиночка, то непременно все вспомните.

Девушка взяла фужер и осушила его до дна. Идеальный маникюр нарушал чуть срезанный ноготь на указательном пальце правой руки. Самуил Маркович, согласно распоряжению Гурова, взял образец у каждой из четырех представительниц прекрасного пола.

– Вы меня арестуете? – спросила Зинаида и быстро обли-зала губы. – За то, что я не могу вам помочь?

Крячко ободряюще улыбнулся и проговорил:

– Пока я не вижу никаких оснований для этого. Но вы определенно должны вспомнить больше, Зиночка. Иначе мне будет сложно вырвать вас из цепких сатанинских рук этого тирана. – Станислав неопределенно качнул головой в направлении дома.

– Какого тирана? – испуганно осведомилась девушка.

– Полковника Гурова. Он просто зверюга! Поверьте, я знаю. Уже много лет работаю с ним бок о бок. Как-то случайно забыл поделиться с ним одной малозначительной информацией, так он меня неделю в одиночной камере продержал. Без воды и пищи. Для профилактики. Но память моя с тех пор стала значительно лучше.

– Боже мой! – ахнула Зинаида.

– Не бойтесь, – поспешил успокоить ее Крячко. – Я не позволю ему проделать с вами то же самое. Только через мой труп.

– Не надо про трупы, – сказала девушка и закрыла лицо руками.

– Ладно. Не буду. Но давайте все-таки попробуем вспомнить что-то еще, Зиночка. Например, были ли какие-то ссоры накануне вечером? Никто не конфликтовал с покойным? Разумеется, до того, как он скончался.

– Нет. – Ответ вновь оказался слишком быстрым. – Про него, наоборот, говорили только хорошее. Тосты и прочие приятные слова. У меня почти сразу сложилось впечатление, что все восторгалось этим человеком и любили его. Какие тут могут быть конфликты?

– Вы видели, когда Роточков ушел из-за стола?

– Нет. Когда мы первый раз пошли в бассейн, он был еще тут, в беседке, разговаривал с Павлом и со своей сестрой. С Галиной. Вид у него был вполне довольный. Я это почему-то хорошо запомнила. Потом мы уходили в сауну. А когда вернулись, его за столом уже не было.

– А кто был?

– Я не обратила внимания.

Зинаида все еще держала в руке пустой фужер, и Станислав после секундного раздумья плеснул ей еще шампанского. Девушка тут же жадно выпила его.

Сыщику показался странным тот факт, что Зинаида обратила внимание на отсутствие за столом Роточкова, но не смогла припомнить, кто там находился после его ухода. Как будто она следила за ним. Крячко отметил это, но развивать тему в данном направлении прямо сейчас посчитал неуместным. Он приберет данный вопрос для более подходящего момента.

В целом поведение Зинаиды насторожило Станислава. Она определенно чего-то недовговаривала. И не по забывчивости, а вполне осознанно.

На дорожке, ведущей к беседке, появилась грузная фигура участкового. По-медвежьки переваливаясь с боку на бок и обильно потея, местный страж порядка шагал к ним. Крячко поднялся ему навстречу.

5 часов 18 минут

Гуров тактично постучал в дверь комнаты для гостей, но ответа так и не дождался. Он оглянулся через плечо. Коридор, в котором находился полковник, примыкал к кабинету Роточкова, где тот и был найден мертвым несколько часов назад. Со своего места Гуров мог разглядеть нижнюю часть лестницы, большой плазменный телевизор и арочный проем, ведущий в общий холл дома. Но ни дивана, ни встроенного бара отсюда видно не было.

Сыщик постучал еще раз. Ответом ему вновь была полная тишина. Тогда полковник решительно повернул ручку двери и без приглашения шагнул в комнату.

Светлана стояла спиной к нему рядом с туалетным столиком. Перед ней лежала раскрытая дамская сумочка, куда женщина в хаотичном порядке швыряла свои дамские принадлежности. Флакончик с лаком для ногтей упал на пол и закатился под столик. Светлана не стала его поднимать. Она даже не обратила внимания на потерю. Гуров видел в зеркале отражение ее раскрасневшегося лица.

– Что вы делаете? – Сыщик остановился в двух метрах позади женщины.

Она не обернулась и раздраженно бросила через плечо:

– Сваливаю. Я не намерена ни на секунду больше задерживаться в этом доме, настоящем гадюшнике.

– Я не могу вам этого позволить, Светлана.

– А мне плевать! – Она забросила в сумочку последние причиндалы и громко защелкнула ее. – Можете арестовать меня, если хотите. Я с удовольствием отправлюсь в камеру. Все лучше, чем здесь.

Гуров шагнул вперед.

Светлана наконец-то развернулась к нему лицом и попыталась обогнуть широкую атлетическую фигуру сыщика, но он перехватил ее за руку.

Женщина толкнула его в грудь.

– Пустите! – требовательно взвизгнула она.

– Исключено, – парировал Гуров. – Вы останетесь в доме, как и все остальные. До конца расследования.

– Не останусь, – заявила Светлана и попыталась выдернуть руку из стального захвата, но у нее ничего не вышло. – Я уже вызвала такси.

– Его придется отпустить. Наши сотрудники позаботятся об этом.

– Да что вы себе позволяете? – Дамочка находилась на грани истерики, и полковник чувствовал это. – Вы не имеете права!

Сыщик почти силой заставил эту особу опуститься на неубранную кровать и только после этого отпустил ее руку.

Светлана больше не пыталась вскочить. Она только злобно смотрела на Гурова снизу вверх, широко и свирепо раздувая ноздри. Ее щеки пылали, от идеальной царственной прически в стиле знаменитой Юлии Тимошенко не осталось и следа. Белокурые локоны падали на лицо.

– Вы чем-то напуганы? – спросил Гуров.

– Да. Напугана. Да еще как! Это совершенно естественно. Остаться здесь – наверняка стать следующей жертвой. Эта тварь в курсе, что я ее видела. Как по-вашему, она оставит меня в живых, зная, что дом полон легавых и ей не вырваться из ловушки? Тут, как говорится, либо пан, либо пропал.

– О ком вы говорите?

– О той самой шлюхе, которую привел вчера Андрей. И где он только отыскивает такие кадры? – Светлана презрительно фыркнула.

Сумочка стояла у нее на коленях. Она расстегнула ее, достала пачку сигарет и жадно закурила.

Гуров невольно отметил тот факт, что руки Светланы совсем не дрожали при этом. Движения четкие и выверенные.

– Готова поспорить, что он даже не стал заморачиваться. Тормознул у обочины и подобрал первую попавшуюся шалаву. Хотя нет. Наверное, поторговался, поискал что-то не особенно дорогое. Да уж, дешевле, чем эта тварь, подобрать сложно. Только если совсем даром.

Полковник сдвинул одеяло в сторону и сел рядом на краешек кровати.

Пару минут молча наблюдал за тем, как Светлана энергично затягивалась сигаретой и пускала дым перед собой, потом полюбопытствовал:

– Вы говорите о Зинаиде? Я правильно понял?

Светлана снова фыркнула и заявила:

– Если это ее настоящее имя, то о ней.

– А оно может быть не настоящим?

– Конечно. У проституток это в порядке вещей. – Она презрительно скривилась, а затем выдала короткую миниатюру, имитируя голоса, как плохая актриса провинциального театра: – «Как тебя зовут, крошка?» – «А как бы ты хотел, чтобы меня звали, красавчик?» – «Зиночка». – «Хорошо, я буду для тебя Зинойкой». Вы что, никогда не снимали проституток, полковник?

– Честно говоря, не доводилось, – признался Гуров. – А где и когда вы видели Зинаиду? Давайте уже будем называть ее так. Почему она должна покушаться на вашу жизнь?

– Я видела ее в кабинете Кирилла. Давайте заключим сделку, полковник. – Глаза Светланы азартно блеснули.

Похоже, она нашла для себя приемлемое решение. Женщина поставила сумочку на кровать и всем корпусом развернулась к сыщику:

– Я расскажу вам, как все было, а вы позволите мне уехать. Я не собираюсь убегать из города, просто хочу свалить из этого дома. А если я вам опять понадобится, вы всегда сможете меня найти.

– Хорошо, – согласился Гуров. – Я позволю вам уехать. Но не сразу. Вы расскажете мне то, что считаете нужным. Я проверю эту информацию. Если она подтвердится, то вы сможете покинуть этот дом. Так вас устроит?

Светлана быстро взвесила все «за» и «против», дотянула сигарету до фильтра, отклонилась немного и бросила окурков в вазу с цветами. По поверхности воды сразу расплылось ядовито-желтое бесформенное пятно.

– Устроит, – сказала она. – В конце концов, это лучше, чем ничего. И еще обещайте защитить меня.

– Обещаю. Так что вы видели?

Светлана набрала побольше воздуха в грудь, выдохнула и заговорила:

– Мы с Олегом немного поссорились. Еще за столом. Когда все были в сборе. Ничего такого особенного, обычная разборка между супругами. Слово за слово. Вы, наверное, меня понимаете. Кириллу это не понравилось, и он попросил нас выяснять отношения в другом месте, чтобы не портить настроение всем остальным. В общем, это было разумно. Мы с Олегом ушли сюда, в эту комнату. Я немного всплила, Олег тоже. Одним словом, мы наговорили друг другу кучу гадостей. Он ушел обратно к гостям, начал пить, я думаю. Я же осталась тут. – Женщина хлопала ладонью по одеялу. – Сидела, курила, немного всплакнула. А потом я услышала голоса. Мужской и женский. Разговаривали на повышенных тонах. Особенно девушка. Она практически визжала. Я подошла к двери и выглянула наружу. Голоса доносились из кабинета Кирилла, и мужской принадлежал ему. Он как раз сказал: «Ты пожалеешь об этом, сука!», а потом добавил: «Все равно я своего добьюсь. Не сомневайся». А она ответила: «Хрен тебе, старый козел!» Именно так эта прелесть и сказала, полковник. Я запомнила дословно, была совсем не пьяная. Если только самую малость. Я узнала голос Зинаиды.

– Вы не могли ошибиться? – осведомился Гуров.

– Могла, – честно ответила Светлана. – Но только насчет голоса. Не внешности. Потом я увидела ее. Она выскочила из кабинета как ужаленная. Барышня заметалась по коридору, хотела выбежать из дома через черный ход, потом передумала, кинулась обратно, вновь миновала кабинет и убежала через арку к зимнему саду. Она, скорее всего, заметила меня, когда вот так металась. А Кирилл даже ни разу не окликнул ее. Из чего я делаю заключение, что к этому моменту он уже был мертв. Или истекал на полу кровью.

– У Зинаиды был в руках нож? Не заметили?

– Не было. Но, скорее всего, она бросила его там. На месте преступления.

– На месте преступления оружие убийства найдено не было, – проинформировал женщину Гуров.

В ответ она равнодушно пожала плечами и выдала:

– Значит, шлюшка вернулась позже и забрала его.

– В котором часу это было?

– Около двух. Точнее сказать не смогу. У меня не было цели сверяться с часами. Зачем мне это? Верно?

– А что вы делали дальше? – поинтересовался полковник.

– Я? – Светлана замешкалась. – Да ничего не делала. Закрыла дверь и вернулась в кровать. В тот момент я ведь еще не знала, что Кирилл убит. Даже предположить ничего такого не могла. Мало ли с кем он там решил позабавиться. За Наташку, конечно, было обидно немного. Жена рядом, а у него шлюха в кабинете. Неприятная ситуация, согласитесь. В какой-то момент у меня даже возникла мысль пойти в кабинет и поговорить на эту тему с Кириллом. Если бы я так и сделала, то, наверное, могла бы спасти его. Кто знает? Но тут вернулся Олег. Он прилично набрался, вновь стал наезжать на меня. Ссора опять вспыхнула. Я даже пригрозила ему, что уеду на ночь глядя, если он не прекратит вести себя по-свински.

Но разве это его остановило? Черта с два! Когда Олег нажрется!.. Он почти был готов ударить меня. Наверняка врезал бы. Но тут-то как раз и поднялся весь шум-гам. Стало известно о том, что Кирилл убили.

– От кого именно вам стало об этом известно?

– Мы с Олегом сами увидели. – Светлана достала из сумочки новую сигарету, но закурила ее уже не так поспешно и жадно, как первую.

Видно, поделившись с Гуровым информацией, она почувствовала некоторое облегчение. Даже нездоровый румянец сошел с ее щек.

– Мы услышали крики и вышли в коридор. Сначала Олег, а за ним и я. Увидели Наташку на фоне арочного проема. Шлюшка, кстати, маячила у нее за спиной. Мы пошли им навстречу. Как раз через кабинет, получается. Там и увидели Кирилл. Кровищи было!.. – Женщину передернуло от воспоминаний.

– Понятно. Но возникает еще один вопрос, Светлана, – задумчиво протянул Гуров.

– Какой?

– Согласно вашей версии, Кирилл Роточкова убила Зинаида Ромащенко.

– Уверена, что так оно и было.

– По вашему же рассказу выходит, что ваш муж, Олег, вернулся позже. Как он мог не заметить труп в кабинете?

Светлана выпустила тонкую струю дыма и ответила:

– Тут нет никакой загадки, полковник. Олег шел в комнату для гостей не через кабинет Кирилл, а с улицы, через черный ход. Это дверь направо. Так гораздо ближе отсюда до беседки, чем если огибать дом и идти через парадную дверь. Можно, конечно, еще зайти в дом со стороны зимнего сада, как это делало большинство гостей вчера вечером. Тогда придется миновать кабинет Кирилл. Но к комнате для гостей ближе через черный ход. И потом... – Светлана насторожилась, она только сейчас почувствовала подвох в вопросе сыщика. – Какое это имеет значение? Почему вы спрашиваете? Я ведь вам ясно дала понять, что видела убийцу. Этого мало?

– Мало. – Гуров поднялся на ноги. – Я вам тоже сразу дал ясно понять, что мне придется проверить информацию, полученную от вас, прежде чем переходить к каким-то кардинальным действиям.

– Так вы ее не арестуете? – Удивление и негодование Светланы были абсолютно искренними. – Подвергнете риску жизни всех остальных обитателей дома? В первую очередь мою?

– Мы возьмем Зинаиду под пристальное наблюдение, – пообещал полковник. – А о вас позаботятся особо. Я ведь дал вам слово, Светлана.

– И на том спасибо, – заявила она.

– Не за что. Благодарю вас за ценную информацию. Вы очень помогли следствию.

5 часов 31 минута

– Я хочу сделать признание.

Галина сидела точно так же, как и в гостиной на первом этаже, то есть забившись в угол и подобрав под себя ноги. Маленькие мышинные глазки с опаской поглядывали на Крячко. Эта женщина напоминала полковнику крупного зверя, затравленного злобными гончими.

Да, определение «маленькие» можно было отнести исключительно к глазам Галины. Во всем остальном это была весьма массивная, можно сказать, мужеподобная женщина. Крупная голова с высоким лбом и носом, ничуть не уступающим по размерам особой примете Жерара Депардье, длинные руки, мускулистые плотные ноги, похожие на античные колонны, босые ступни никак не меньше сорок третьего размера.

Полковник едва ли не впервые в жизни почувствовал себя неуютно в присутствии женщины.

– Признание в чем?

Он не стал садиться рядом с Галиной на диван, прошелся по комнате со скудной спартанской обстановкой. Потом Станислав остановился у окна, слегка сдвинул тяжелую занавеску и выглянул наружу. Он не увидел там ничего особенного, лишь дорогу, ведущую к дому, и крышу большого гаража.

– Я не любила Кирилла.

– Вот как? – Крячко обернулся.

Признание Галины почему-то не вызвало у него особого удивления.

– Да. Я всегда делала вид, что обожала Кирилла. Ведь он мой брат. Я зависела от него в финансовом отношении, но не любила его. Очень.

– За что же?

– Да за все сразу. Из-за Кирилла у меня вся жизнь наперекосяк. Он обладал одним уникальным качеством: был способен испоганить все донельзя. Может, и не со всеми, конечно, но со мной ему это точно удалось. Отец умер, когда мне было семнадцать, а Кириллу – четырнадцать. Но он почему-то автоматически стал старшим. По половому признаку, я полагаю. – Галина грубо хохотнула и тут же зажала рот огромной ладонью.

Крячко на всякий случай отступил от дивана на пару шагов. Он сделал вид, что заинтересовался картиной, висевшей на стене и изображающей легендарных трех богатырей. Эта странная женщина немного пугала его.

– Почему у нас в обществе все меряется по половому признаку? – проговорила Галина. – Если у тебя есть пенис, то ты глава семьи, да? Значит, получается, будто все мои беды происходят от того, что я не могу его отрастить. Так?

– Я не силен в анатомии. – Крячко встал вполоборота к этой особе и заявил: – Давайте лучше вернемся к вопросу о том, почему вы не любили своего брата. Ведь не только из-за его пениса, я полагаю?

Галина неожиданно громко захохотала, запрокинув голову. Ее смех тоже был мужеподобным. Крячко почувствовал, как от этого истерического ржания по спине у него побежали мурашки. Сыщик незаметно расстегнул пиджак, затем сунул под него руку и проверил, легко ли пистолет выходит из наплечной кобуры.

– Нет. Не только. – Хохот Галины оборвался так же резко, как и начался.

Она вновь превратилась в испуганного, затравленного зверя, взирающего на полковника из своего логова. Женщина плотнее подтянула ноги к подбородку.

– Но он определенно является первопричиной, – продолжала она. – Потому что со смертью отца Кирилл занял его место, стал главой семьи.

– В четырнадцать лет? – уточнил Крячко.

– Да. Именно. В четырнадцать. Представляете, каково было мне, когда этаким вот сопляк вдруг стал указывать мне, с кем я имею право встречаться, а с кем нет. Как я должна себя вести, одеваться. Он контролировал каждый мой шаг. Буквально. А поделаться я ничего не могла. Мама и Олег поддерживали его как лидера. Мне оставалось только подчиниться.

– А сколько было Олегу?

– Двенадцать. Опека Кирилла в его отношении была как раз логичной. Но я пала жертвой обстоятельств. То, что я представляю из себя сейчас, – заслуга Кирилла. Целиком и полностью.

– А что вы из себя представляете? – Полковник старался подбирать слова с крайней осторожностью.

– Я ничтожество, – грустно призналась женщина. – Затюканная старая дева. Без прошлого, настоящего и будущего. Человек, полностью подчиненный воле младшего брата. Это ужасно. Я не любила его за это. Более того, ненавидела всеми фибрами души.

– Поэтому убили?

Крячко готов был выхватить оружие из наплечной кобуры в любой момент. Он поклялся самому себе, что в случае необходимости будет стрелять на поражение.

– Что? – Галина встрепенулась, ее ноги соскользнули с кровати, босые стопы сорок третьего размера глухо шлепнулись об пол. – Убила? Его? Господи, нет, конечно. Я не убивала Кирилла! С чего вы взяли?

– Я просто предположил, – сказал Станислав и отступил еще на шаг. – Извините. Но для чего вы тогда рассказываете мне обо всем этом? Вы ведь сказали, что это признание.

– Да. Признание в нелюбви к брату. Но не в его убийстве. Я хотела, чтобы вы были в курсе. Это ведь все равно всплыло бы наружу. Но вы узнали бы о моем отношении к брату не от меня, а от кого-то другого, и тогда решили бы, что я намеренно скрывала свои истинные чувства. А это уже рассматривалось бы как скрытый мотив. Я не желала, чтобы вы пришли к таким выводам, и призналась заранее. Только и всего.

– Ясно. – Полковник был немного сбит с толку. – Очень предусмотрительно и весьма мило с вашей стороны. Однако мне все же хотелось бы знать, где вы были в момент убийства?

– Здесь. В своей комнате. Где же еще мне быть? – Галина прикусила нижнюю губу и в задумчивости пожевала ее. – Сначала я сидела за столом вместе со всеми. Приблизительно до полуночи. А потом Кирилл сказал, что я на сегодня выпила достаточно и мне пора идти спать. Я подчинилась. Как и всегда. Правда, спросила у него, кто же тогда будет убирать со стола. Он сказал, что это можно будет сделать утром. Я поднялась к себе, позвонила Антону, узнала, благополучно ли он добрался до дома, и легла в постель.

– Антону? – переспросил Крячко. – Кто это такой?

Галина нервно сглотнула. У нее был такой вид, будто она невольно сболтнула лишнего. Станислав не мог этого не заметить.

Она не сразу ответила на вопрос сыщика. Сняла заколку, приладила обеими руками растрепанные волосы и снова сцепила их на затылке. Но опрятнее и краше от этого ничуть не стала.

– Антон – мой племянник, – с явной неохотой в голосе поведала Галина. – Сын Кирилла и Наташи. Я считаю своим долгом опекать его, заботиться о нем. Коль скоро у родителей вечно нет на это ни времени, ни желания.

– Откуда он должен был благополучно вернуться?

Галина вновь помедлила с ответом. Крячко видел, что ей совсем не хочется говорить на данную тему, но она была вынуждена это делать. Собственная излишняя болтливость крепко приперла ее к стенке. Безобразные большие пальцы ног с обломанными ногтями выбивали по полу барабанную дробь.

– Отсюда, – наконец-то произнесла она. – Антон заезжал поздравить отца с днем рождения. Это нормально. Он обязан был это сделать. Парень не хотел оставаться здесь и участвовать в праздновании, но сказать пару теплых слов – прямая сыновья обязанность. Антон ее исполнил.

– Сколько ему лет?

– Двадцать два.

– Женат?

Галина тяжело вздохнула:

– К сожалению, нет. Ему бы уже пора, конечно, но он все никак...

– В котором часу он приезжал сюда? – перебил женщину сыщик.

– Где-то в одиннадцать. Может, чуть позже.

– А уехал?

– Почти сразу. – Галина нахмурилась, и ее мелкие глазки мгновенно затерялись под огромными гипертрофированными надбровными дугами. – Зачем вы об этом спрашиваете?

При чем тут Антон? Его не было здесь, когда случилось убийство. Он был уже дома. Я разговаривала с ним по телефону не позднее половины первого. Вы не можете подозревать его в случившемся. Это нелепо!

– Мы разберемся, – сухо отчеканил Крячко. – С Антоном и со всеми остальными, кто так или иначе может иметь отношение к убийству. А пока давайте лучше вернемся к вам. Когда вы узнали о случившемся?

Галина продолжала хмуриться, но ее недовольство не было связано с новым вопросом сыщика. Она мысленно все еще оставалась в предыдущей теме разговора.

Неожиданно всплывшая фигура Антона крайне заинтересовала Крячко. Тут определенно было что-то не так, если упоминание об этом парне вызвало столь бурную и неадекватную реакцию со стороны Галины. То, что Антона не было в доме на момент убийства его отца, следовало только со слов его тетки. Данный источник не казался Станиславу особо надежным. Информацию следовало проверить.

– Я узнала о гибели брата, когда приехали вы.

– В каком смысле?

Крячко все еще держал пиджак расстегнутым. Мало ли что.

– Так ведь это на вас залаяла Чанга. Ее лай меня и разбудил. Я поняла, что на территории кто-то посторонний, выглянула в окно, увидела вас, оделась и спустилась на первый этаж. Никифоров, наш участковый, как раз велел всем собраться в гостиной. Он и сказал мне, что произошло убийство.

Некоторое время полковник молча смотрел на Галину. Под его пристальным взглядом она перестала барабанить пальцами ног по полу, вновь подобрала их под себя, забилась в угол дивана.

Крячко сразу обратил внимание на то обстоятельство, что ее комната была крайней от винтовой лестницы, которая спускалась прямоком в кабинет Роточкова. Согласно собственным показаниям Галины, ее никто не видел с полуночи и до приезда оперативной группы. Ничто не помешало бы сестре, полной не самых добрых чувств, незаметно спуститься, перерезать горло ненавистному брату, а затем так же быстро и бесшумно вернуться в свои скромные апартаменты. Пьяные гости почти в полном составе находились на территории, прилегающей к дому. Галину никто не заметил бы.

В кармане Крячко зазвонил телефон.

Он достал аппарат и ответил на вызов:

– Да, Лева. Я на втором этаже. Беседую с Галиной Роточковой. Мы уже закончили. Хорошо. Понял. Сейчас спущусь. – Станислав спрятал телефон в карман.

Он еще раз взглянул на Галину и с удивлением поймал себя на мысли о том, что ему почти хотелось бы, чтобы убийцей оказалась именно она. Странное чувство по отношению к женщине. Но оно было.

5 часов 50 минут

– Лейтенант, возьмите у Натальи Роточковой адрес ее сына Антона, отправляйтесь к нему и привезите сюда, – распорядился Гуров. – Думаю, что полковник Крячко прав и нам стоит с ним познакомиться.

– Слушаюсь, товарищ полковник!

Беспалов уже двинулся было к выходу, но Гуров остановил его и спросил:

– По орудию убийства есть что-то новое?

– Увы, – виновато откликнулся лейтенант, словно ответственность за решение этого вопроса лежала исключительно на нем. – Ищем. Но орудия пока нет.

– Продолжайте искать. – Гуров тяжело опустился в кресло и потер веки.

Недосып минувшей ночи начал давать о себе знать. Полковник потянулся.

– Надо бы заказать кофе, Стас, – сказал он. – Как думаешь?

– Я голосую «за» двумя руками и ногами. – Полковник Крячко расплылся в улыбке.

Он потягивал сигарету возле приоткрытого окна, глядя на неподвижную гладь бассейна.

– И еще неплохо бы чего-нибудь перекусить, Лева. Вид полного блюда шашлыка в беседке буквально сводит меня с ума. Признаюсь, я даже начал украдкой заглядываться на участкового. Готов съесть холодный шашлык или его.

– Нет, этого я допустить не могу, – запротестовал Гуров. – Еще одно убийство в доме. К тому же на почве каннибализма. Исключено! Мы закажем кофе и пиццу.

– А заодно попросим участкового принести чего-нибудь из дома. Готов поспорить, его жена великолепно готовит.

– С чего такой вывод?

– С его килограммов. Она же кормит его на убой. Сразу видно. Вот пусть он и поделится с нами. – Крячко затушил сигарету в пепельнице на подоконнике и закрыл окно. – А ему немного диеты, напротив, не помешает.

– Хорошо, – согласился Гуров. – Реши этот вопрос. И рассказывай, что еще тебе удалось нарыть.

– Да я уже тебе все изложил. – Станислав пожал плечами. – Крутом туман и неясность. Галина мне откровенно не нравится.

– Это я уже понял, – с ухмылкой проговорил Гуров. – Ты ведь у нас эстет.

– Определенно. Теперь что касается Зиновки. Не знаю, Лева. У меня как-то не вызывает особого доверия та история, которую поведала тебе Светлана. Хотелось бы получить свидетельские показания хотя бы от еще одного человека.

– Или признание самой Зиновки, – проговорил Лев Иванович. – Но на самом деле тут все весьма просто, Стас. Если Галина тебе в корне не нравится, то к молоденькой дамочке ты, напротив, питаешь симпатию. Мы оба прекрасно знаем, каким именно местом ты сейчас стараешься делать выводы. Это явно не голова.

– Опять обидеть норовишь? Только это напрасно, Лева. Сегодня у тебя ничего не получится. Я нынче человек-камень.

– Похоже на имя какого-то супергероя из дешевых американских комиксов, – прокомментировал Гуров. – Но обиды тут ни при чем. Мне просто хочется, чтобы ты иногда мыслил логически, а не эмоционально. Ты не обратил внимания на то, что сказала тебе Зиновка относительно того, где она была, когда стало известно об убийстве. Ты ведь мне сам говорил. Помнишь?

– Конечно. Она сказала, что была в бассейне.

– Вот! – Гуров демонстративно поднял указательный палец. – И Наталья сказала мне то же самое. Только она утверждала, что была в бассейне одна. Показания уже разнятся. Ты не находишь?.. А какой вывод из этого следует? Как минимум одна из двух женщин лжет. Во всяком случае, чего-то не договаривает.

– Ты считаешь, что это Зиновка? – осведомился Крячко и скривился.

– Я пока ничего не считаю. Но подозрений относительно твоей распрекрасной Зиновки на данный момент у меня гораздо больше.

– Она – не моя, – откликнулся Станислав, выдержал небольшую паузу и добавил: – К сожалению.

Гуров поднялся с кресла, прошелся по холлу, разминая затекшие ноги, и заявил:

– Нам в любом случае необходимо дождаться результатов экспертизы от Самуила Марковича. Как только мы получим эти сведения, информации у нас станет гораздо больше. – Он взглянул на часы. – А их до сих пор нет.

– Самуил Маркович звонил?

– Звонил и сказал, что процесс немного затягивается. На месте нет какого-то человека, и он не может попасть в лабораторию. Долго и нудно извинялся, в итоге обещал связаться со мной сразу же, как только результаты будут у него на руках. Ну а мы пока давай перейдем к остальным персонажам. Не стоит заикливаться только на женщинах.

– Это опять камень в мой огород? – вскинулся Крячко.

– Боже упаси, Стас. – Гуров подошел к напарнику и дружески похлопал его по плечу. – Я совсем не то имел в виду. Пойдем-ка лучше пообщаемся с господином Вороновым. Мне тут жена покойного подкинула информацию к размышлению относительно его персоны.

Сыщики прошли в гостиную. Павел был там, только уже не восседал за столом, а стоял на фоне оконного проема спиной к входу. На звук шагов он обернулся. В зубах у него дымилась наполовину истлевшая сигарета. При виде сыщиков Воронов энергично разогнал рукой клубы дыма, повисшие в воздухе, и неприязненно дернул верхней губой.

– Дошла очередь и до меня? Да? – с вызовом бросил он. – Странно, что вы тянули так долго. Мне казалось, что я должен был подвергнуться допросу в первую очередь.

– Это почему же?

Гуров, как и в прошлый раз, занял место верхом на стуле по центру гостиной. Крячко скромно разместился на диванчике салатного цвета. Павел оказался будто между двух огней. Он не мог держать в поле зрения обоих сыщиков одновременно. Ему приходилось вертеть головой то в одну, то в другую сторону.

Правда, в итоге он все же определился с выбором, сфокусировал взгляд на полковнике Гурове и ответил на его вопрос:

– Ну а как же? У меня с Кириллом был общий бизнес, который теперь полностью отходит ко мне. Согласно договорам, подписанным ранее, я, конечно, буду обязан выплачивать семье Кирилла определенные дивиденды с прибыли, но это крохи по сравнению с тем, что получу сам. По-моему, отличный мотив для убийства. Вам еще не намекнули на это?

– А кто должен был намекнуть?

– Да кто угодно. – Павел затянулся сигаретой. – Я, наверное, не смогу назвать вам человека, присутствующего сейчас в доме, который не питал бы ко мне негативных чувств.

– Вот как! – Гуров изобразил удивление. – Я не знал об этом. На чем же основаны негативные чувства в отношении вас?

– Не могу сказать наверняка. – Павел пожал плечами. – Но я им всем как кость поперек горла. Человек, которого Кирилл вытащил из дерьма и сделал фактически равным себе.

– Из какого дерьма?

Воронов ответил не сразу. Он отлепился от подоконника, прошел к столу, сел, бросил в пепельницу сигарету, не став гасить ее.

– Вам все равно не составит труда это выяснить, – сказал Павел и двумя пальцами пригладил усы. – Так лучше от меня, чем от кого-то другого. Я был судим. Давно. По молодости еще.

– По какой статье?

Павел вскинул голову, и его кадык непроизвольно дернулся.

– Я был осужден за убийство. Неумышленное, – живо поправился он. – С тринадцати лет мы с Кириллом вместе занимались боксом. Ходили в одну секцию. А в шестнадцать случилась та драка на улице. История давняя, вспоминать ее сейчас во всех подробностях не очень хочется. Нам пришлось заступиться за девушку. Их было пятеро против меня и Кирилла. Но это не помешало нам раскидать отморожков. Я был не очень осторожен. Один из тех ребят умер. В больнице. Спустя сутки. Меня осудили на семь лет, из которых я отсидел всего три, а потом был выпущен по УДО. С боксом, конечно, было покончено раз и навсегда. Мне не разрешили вернуться на ринг. Но Кирилл не бросил меня. Протянул руку помощи. В девятнадцать лет он с подачи дяди уже открыл свою первую кафешку и взял меня в долю.

Дальше мы раскручивались вместе. Но на мне все время висело клеймо человека, отсидевшего за убийство. Я чувствую, как они смотрят на меня.

– Кто?

– Все. – Павел потянулся было к пачке сигарет, но передумал. – Олег, Галина. Наташка вам еще не сказала прямым текстом, что это я грохнул Кирилла?

– Пока нет.

– Странно. – Воронов хмыкнул. – На нее это не очень похоже. Я думал, она начнет поносить меня с первых же секунд. – Он немного помолчал и продолжил: – Хотя, если разобраться, у нее самой поводов для убийства было не меньше. Дело тут не только в наследстве.

– А в чем еще? – заинтересовался Гуров.

Крячко предпочитал хранить молчание и до поры до времени не вмешивался в диалог напарника с компаньоном погибшего бизнесмена.

– Полагаю, вам стоит об этом знать. Кирилл был известным бабником и не скрывал этого. Он старался не пропускать ни одной юбки. Наташка, конечно же, об этом знала. Мирилась ли она с этим? Не думаю. Скорее делала вид. Все вокруг, черт возьми, прикидывались. Сплошное лицемерие!.. Неужто Олег не знал, что брат трахает его жену? Да наверняка в курсе был! Как и Наташка, и все прочие. Знали, но молчали. Потому что не рисковали бросить претензию в лицо Кириллу. Кишка тонка!

– Кирилл и Светлана? – наконец-то подал голос Станислав. – У них был роман?

Воронов повернулся в его сторону. Губы Павла скривились в презрительной усмешке. Он достал из пачки новую сигарету, но прикуривать не стал, перекатывал ее между пальцев.

– Назвать это романом можно с огромной натяжкой, – сказал Павел. – Скорее секс на родственных началах. Баба, можно сказать, под боком. Чего бы не воспользоваться? Понятия морали для Кирилла не существовало. А Светка?.. Ну, не знаю, может, она и любила его или просто подчинялась. В голову-то ей не залезешь.

– Так Олег знал об этих отношениях?

– Знал, – Павел уверенно качнул головой. – Бесился, но ничего не мог поделать. Еще бы! Попробовал бы он вякнуть хоть что-то, и Кирилл дал бы ему такого пинка под зад, что мало не показалось бы! В общем, ему оставалось молчать в тряпочку либо сразу на паперть идти побираться.

Щелкнула зажигалка.

Воронов закурил, прищурился и веско добавил:

– Или убить. Его или ее. Но Светку он все-таки любил, а брата ненавидел. Выбор очевиден.

Крячко бросил взгляд на напарника. Гуров задумчиво смотрел в одну точку и хранил молчание. Торопиться с выводами было не в его стиле. Станислав прекрасно знал об этом. Но информация, пусть и непроверенная, которой только что поделился Воронов, заметно расширяла круг потенциальных подозреваемых.

Гуров сухо откашлялся в кулак и совершенно неожиданно сменил тему разговора.

– Расскажите нам о вчерашнем вечере, Павел, – предложил он. – До того момента, как Кирилл покинул компанию и отправился к себе в кабинет. По нашей информации, вы были последним, кто с ним общался.

Воронов на мгновение растерялся. Ему казалось, что все предыдущие откровения должны были отвлечь внимание сыщиков от его персоны.

Он несколько раз энергично затянулся сигаретой, облизал губы и спросил:

– Так вы все-таки считаете, что это я?

– Мы ничего пока не считаем, – сухо проговорил Гуров. – Мы еще разбираемся в ситуации. Так вы были последним, кто видел Кирилла перед смертью?

– Нет. Последним, как я полагаю, его видел убийца. Это был не я. А если вас интересует, что делал я... что ж, охотно отвечу. Все разбрелись, мы с Кириллом остались за столом. Посидели немного, выпили.

– О чем вы говорили?

– Да ни о чем конкретном. Я поднял пару вопросов по бизнесу, но Кирилл не захотел их обсуждать. Сказал, что сейчас неподходящее время и место. Мол, мы обсудим это завтра. Потом встал и пошел к себе. Обещал вернуться, но...

– Вы ругались?

– Ругались? – переспросил Воронов. – С какой стати? Зачем нам ругаться?

– Относительно тех вопросов бизнеса, которые Кирилл не захотел обсуждать.

Павел усмехнулся:

– Разумеется, нет. По вашим вопросам, полковник, сразу видно, что вы совершенно не знали Кирилла. С ним нельзя было ругаться. Я не стал бы этого делать, даже если бы очень захотел. Так и во всех вопросах бизнеса. Я мог внести какое-то предложение, но если Кирилл говорил «нет», то мне оставалось только подчиниться.

– Или убить, – негромко произнес сыщик с точно такой же интонацией, какая звучала в голосе Воронова, когда тот упоминал о взаимоотношениях покойного с братом.

– Что?

– Ничего. – Гуров покачал головой. – Что вы делали после того, как Кирилл ушел из-за стола?

– Я остался сидеть в беседке. Выпил еще немного. Перекусил. Потом вернулся Олег. Мы с ним приняли еще. У него были очередные разборки со Светкой. Он выкушал едва ли не полбутылки и ушел. Злой как черт. Я не стал его ни о чем расспрашивать.

– Вы все время находились в беседке? Вплоть до того момента, когда стало известно об убийстве Кирилла?

– Кажется, да.

– Кажется?

– Я не могу сказать наверняка. – Павел загасил сигарету. – В конце концов, я мог отойти в туалет или просто размять ноги. Но когда выбежал Яшка и стал орать, что шефа убили, я точно находился в беседке.

– Один?

– Один.

Гуров кивнул в знак согласия и задал новый вопрос:

– Из беседки неплохо просматривается бассейн. Припомните хорошенько, Павел. Кто был там в тот момент, когда Яков выбежал из дома и сообщил, что шефа убили?

Воронов потер ладонью лоб. Перевел взгляд с Гурова на Крячко и обратно. Плохо затухшая сигарета продолжала дымиться в пепельнице.

– Никого.

– Вы уверены?

– Абсолютно уверен, – заявил Павел. – В бассейне на тот момент никого не было. Да и в беседке тоже. Кроме меня и Яшки.

6 часов 42 минуты

Гуров допил кофе, поставил опустевшую чашку на низкий стеклянный столик.

Потом он вытер губы салфеткой и поднял глаза на лейтенанта Беспалова, замершего в дверном проеме, и спросил:

– Где он?

– В кабинете погибшего, товарищ полковник, – доложил лейтенант. – Как вы и приказали. Только...

– Что?

– Там сейчас работает группа. Оперативники досматривают личные вещи и документы Кирилла Роточкова.

– Пусть сделают перерыв, – распорядился сыщик и поднялся на ноги. – Десяти-пятнадцати минут общения с молодым человеком мне будет вполне достаточно. Потом им займетесь вы, лейтенант. И еще вот что. – Гуров снял со спинки стула пиджак и небрежно набросил его на плечи. – Приготовьте мне для просмотра кое-какие бумаги.

– Какие именно?

– Заключение дактилоскопистов, протокол осмотра места преступления, а также задокументированные показания трех человек: Якова Глинского, Натальи Роточковой и Зинаиды Ромащенко.

– Сделаю, – пообещал лейтенант.

Гуров размашистым шагом миновал холл, свернул направо и оказался в кабинете покойного Роточкова. Он жестом дал понять оперативникам, чтобы они на время освободили помещение.

Антон сидел на диване спиной к винтовой лестнице. Он вальяжно закинул ногу на ногу и монотонно покачивал острым носком до блеска начищенного ботинка. У него были средней длины русые выющиеся волосы, заостренный греческий нос, тонкие губы и довольно большая, сразу бросающаяся в глаза родинка на правой щеке.

При появлении Гурова парень демонстративно не стал вставать с дивана, даже не сменил позу.

– Антон Кириллович? – осведомился полковник, занимая кресло напротив.

Оперативники уже убрали ковер, залитый кровью, но на линолеуме еще остались запекшиеся следы. Полковнику казалось, что Антон не обратил на них никакого внимания.

– Можно без отчества, – сказал молодой человек и машинально поправил ворот белой рубашки, расстегнутой всего на одну пуговицу. – Просто Антон. Я могу узнать, для чего меня привезли сюда?

– Разумеется. Я – полковник Гуров Лев Иванович из Главного управления уголовного розыска. – Сыщик продемонстрировал пареньку свое удостоверение, но Антон не обратил на это внимания. – Вы уже в курсе, что случилось с вашим отцом?

– Да. Мне сказали. Он умер. И слава богу, – открыто и довольно бесцеремонно заявил молодой человек. – Вы не представляете, какое для меня облегчение. Словно гора с плеч свалилась. И дышать, знаете ли, как будто свободнее стало. Его убили тут? В этой комнате?

– Да. Откуда вы знаете?

Антон неопределенно фыркнул:

– Ваши люди что-то активно искали здесь. Я заметил кровь на полу. А еще вы предпочли познакомиться со мной именно в этой комнате. Известный психологический прием.

– Откуда известный? – удивился Гуров.

– Я два года учился в юридическом. Кое-какие основы мне знакомы.

– А сейчас уже не учитесь?

– Нет. – Антон обеими руками пригладил выющиеся волосы, собрал их на затылке, но уже через секунду они вновь рассыпались по его плечам. – Бросил. Уже больше года.

– Почему?

– Надоело. Бесперспективно. Это не мое. Отец хотел сделать из меня юриста. Он никогда не считался с моими желаниями. В детстве отдал в бокс. Ему было угодно, чтобы я, как и он, стал чемпионом. Но я забил на секцию уже через месяц. Не вижу никакой радости в том, чтобы молотить кому-то морду и уж тем более подставлять свою. Это даже не спорт, а просто проявление насилия. Тупое и примитивное.

– А ты, стало быть, против насилия?

Антон растянул губы в улыбке:

– Вопрос с подвохом, товарищ полковник? – Он быстро покосился на запекшиеся пятна крови и тут же отвел взгляд. – Да, я против насилия, но при этом за справедливость. Пусть от насилия страдают те, кто его порождает.

– Такие люди, как твой отец?

– Вот именно. Перестаньте уже ходить вокруг да около, товарищ полковник. – Антон вынул из кармана упаковку жвачки, одним движением сдернул обертку, вытряхнул на ладонь две голубоватые подушечки и отправил их в рот. – Вы подозреваете меня в убийстве отца, не так ли? Совершенно напрасно. Я был здесь в районе одиннадцати вечера. Заехал поздравить папика. Тетка очень уж настаивала. Считала, что это правильно. Но даже вчерашний вечер не закончился для нас ничем хорошим.

– В каком смысле?

– Мы поругались. Как обычно. Он сказал, что думает обо мне, я ответил тем же и уехал. Даже подарок забыл ему отдать. Все случилось очень быстро.

– Из-за чего вы поругались?

– Сейчас уже и не помню, – беспечно отмахнулся Антон. – Мало ли могло быть причин. Они у нас с папиком всегда отыскивались. Кстати, из-за чего бы мы ни поцапались вчера – это глубоко личное, и к делу вашему никакого отношения не имеет.

– Это уже нам решать, – проговорил полковник и нахмурился.

Паренек вел себя слишком уж вызывающе. Гурову такая манера совсем не нравилась.

– Во сколько ты уехал? – задал он очередной вопрос.

– Говорю же, сразу, – пробурчал Антон, активно работая челюстями. – В начале двенадцатого. Максимум в половине.

– Кто видел, как ты уезжал?

– Тетка. Она проводила меня до машины. Да и дядя Андрей тоже видел. Он как раз подошел к папику о чем-то поговорить, а я уже отчаливал. Мы с дядей попрощались, пожали друг другу руки.

– Но как ты садился в машину, он не видел. Верно? Это может подтвердить только твоя тетя Галя, не так ли?

Антон перестал жевать, вновь откинул назад волосы, но те опять вернулись на прежнее место. В глазах парня появилось чувство настороженности, которого не было пару минут назад. Молодой человек опустил ноги на пол.

– А ее слово для вас ничего не значит? – неуверенно протянул он. – Она под подозрением?

– Все под подозрением, – ответил Гуров. – Пока. В том числе и ты, Антон. Извини. – В действительности в голосе сыщика не было и намек на сожаление. – Так что тебе, как и всем остальным, придется остаться в доме до конца расследования.

– Что-то я не понял. – Антон поднялся на ноги и прошелся по кабинету. – Я арестован? В таком случае по закону мне положен адвокат. Я не обязан общаться с вами без него.

– Ты не арестован, – парировал Гуров. – А всего лишь задержан до выяснения обстоятельств. В качестве очевидца. Адвокаты тут ни при чем.

– Какого еще очевидца? Я ни хрена не видел. – Антон резко распахнул дверцу встроенного бара.

– И ничего не трогай! – Приказ Гурова за спиной парня прозвучал как выстрел.

Антон вздрогнул, обернулся и сказал:

– Я хотел только немного выпить. Из личных запасов отца, так сказать. Ему-то уже все равно.

– Это место преступления. – Полковник поднялся с кресла, приблизился к Антону и почти насильно заставил его закрыть дверцу бара. – Здесь не стоит ни к чему прикасаться. На первых двух курсах юридического этому не учат?

Пару минут они молча смотрели в глаза друг другу, после чего молодой человек сдался. Дуэль взглядов с полковником была им проиграна вчистую. Он опустил голову и покорно отошел от бара.

– Хорошо, – неохотно выдавил из себя парень, и сыщик почувствовал злобу, затаенную в его голосе. – Где я должен находиться?

– Где угодно, но только не за пределами территории. Перемещения по дому и двору не ограничены, – заявил полковник и позволил себе добродушно улыбнуться, чтобы сгладить остроту ситуации. – Я жду от тебя письменных показаний, Антон. Причины твоих постоянных ссор с отцом, график того, как ты провел вчерашний вечер. С кем виделся, общался. Неплохо было бы узнать, кого лично ты подозреваешь в убийстве отца.

– Его мог грохнуть кто угодно. – Антон выплюнул изжеванную жвачку в ладонь. – Он всех умудрился достать. Я не знаю никого, кто не ненавидел бы его. Так что советую вам запастись большим количеством наручников, товарищ полковник.

– Непременно.

Гуров вышел из кабинета, вернулся в зимний сад и занял прежнее место за стеклянным столиком. Пустая чашка из-под кофе уже была убрана.

За спиной полковника как по мановению волшебной палочки вырос оперативник из следственной группы.

– Вот документы, которые вы просили, Лев Иванович. – Он протянул Гурову стопку бумаг. – Мы можем продолжить обыск в кабинете убитого?

– Да. Продолжайте.

Полковник взял документы и положил их рядом с собой на столик. Зимний сад уже полностью был освещен солнечными лучами, падавшими через огромное панорамное окно. Ночь окончательно уступила дню свои законные права.

Гуров сверился с наручными часами и достал мобильник. Он хотел было связаться с медицинской лабораторией, но в последний момент передумал и взял из пачки первую попавшуюся бумагу. Это был протокол допроса Глинского.

Сыщик погрузился в чтение. Ему совершенно не нравилось, что в свидетельских показаниях было так много нестыковок. С ними следовало детально ознакомиться еще раз и сопоставить. У Гурова возникло ощущение, что они с Крячко невольно упустили что-то важное, очень значимое.

Следствие по-прежнему не располагало ни одной стройной версией. Гурову определенно требовалась еще одна чашка бодрящего кофе.

Полковник заметил в дверном проеме массивную фигуру участкового Никифорова и жестом подозвал его к себе.

В этот момент в кармане пиджака Гурова ожил мобильный телефон. На дисплее высветился номер Самуила Марковича.

6 часов 58 минут

– Хотите? За компанию?

За пару часов Андрей успел основательно нагрузиться. Крячко не мог знать наверняка, сколько он выпил, но по внешнему состоянию парня рискнул предположить, что никак не меньше бутылки водки. Теперь тот как раз распечатал новую емкость и наполнил две рюмки. Удивительно, но Андрей не пролил ни капли мимо. Одну рюмку он взял себе, другую слегка подтолкнул в направлении Станислава.

Но сыщик отрицательно покачал головой.

– Я воздержусь, – сказал он.

– Хотя бы просто пригубите, господин полковник, – настаивал Доронин. – А то я как алкоголик какой-то. Пить в одиночестве, без компании, это же последнее дело. Железобетонно.

– Так не пейте, – разумно заметил Крячко.

Андрей бессмысленно уставился на свою рюмку. На мгновение его тонкие от природы губы разомкнулись и тут же сжались. Если он и хотел что-то сказать, то передумал. Но и пить не стал.

– Расскажите о том, что помните о вчерашнем вечере, Андрей. – Станислав решительно взял инициативу разговора в свои руки. – Может быть, были какие-то ссоры, конфликты?..

Доронин покачал головой.

– Это же был день рождения. – Язык его слегка заплетался.

Он продолжал смотреть в рюмку, а не на собеседника.

– Какие еще конфликты? У кого? С кем?.. Я готовил шашлык. Кирилл никогда не доверял это дело никому другому. Так уж повелось. С давних пор.

– Вы давно знакомы?

– Где-то лет тридцать. Железобетонно. А если уж быть точным... – Доронин призадумался.

Он все-таки поднял голову, и его пустые остекленевшие глаза навывук попытались поймать сыщика в фокус. Получилось не очень успешно. Блуждающий взгляд остановился где-то в районе мочки левого уха полковника Крячко.

– С десятого класса. С выпускного. Да. Я ведь парень из небогатой семьи, господин полковник. Помню, все скидывались тогда на выпускной, а мне и дать-то оказалось нечего. Я решил, что просто не пойду. Но Кирилл внес за меня долю. Не в долг, а просто так, по доброте душевной. Взял и внес. Сказал, что для него это не сложно. Железобетонно. Да, дальше... – Андрей потянулся к рюмке, но Крячко остановил его, накрыл руку ладонью. – Как-то так повелось, что Кирилл всегда заботился обо мне. Он был для меня как брат. Без него я никто. Понимаете? Я теперь пустое место! – Он повысил голос: – Ноль без палочки! А вы говорите «не пейте».

– Свет клином не сошелся на одном Кирилле. – Станислав попробовал найти нужные слова поддержки. – Так же нельзя. У вас девушка.

– Плевать я на нее хотел!

– А я думал, у вас серьезные намерения.

– Ага. – Андрей фыркнул.

Слюна сорвалась с его нижней губы и капнула в рюмку.

– Очень серьезные! По всей Москве целая куча таких потаскух, с которыми у меня серьезные отношения. Только и успеваю заявлениями загсы засыпать. Она вам нравится, господин полковник? Зинка? Приглянулась, да? Могу подарить. Хотите?.. Не за просто так, конечно, а за уважуху. Вы со мной выпьете за компанию, а я вам Зинку за это. Железобетонно. Идет? Обмоем сделку? – Доронин поднял рюмку, громко икнул, прикрыл рот свободной рукой и тут же поставил посудинку обратно на стол.

– Извините. – Он стушевался и поспешно отвел взгляд в сторону.

Крячко показалось, что на глаза Андрея навернулись слезы.

– Правда, простите меня за этот бред, господин полковник. Я сам не знаю, что несу. Все смешалось. Я сам не свой. Не могу поверить, что Кирилла больше нет. О чем вы меня спрашивали?.. Ссоры, конфликты?.. У кого с кем?

– Не знаю. – Крячко воспользовался тем, что внимание Доронина рассеялось, забрал его рюмку и безгласно отодвинул ее на край стола.

Взамен он вложил в руку собеседника стакан с апельсиновым соком.

– Я надеялся, что как раз вы мне об этом и расскажете.

Андрей не заметил подмены. Теперь слюна с его нижней губы капала в сок.

– Да никто ни с кем не конфликтовал, – сказал он, глядя все так же немного в сторону. Глаза у Андрея действительно слезились, но причиной тому мог быть и алкоголь.

– При Кирилле никто не посмел бы. Железобетонно. Они теперь начнут конфликтовать.
– Кто?

– Да все. Думаете, они такие белые и пушистые? А вот вам! – Доронин сделал неприличный жест, стукнул кулаком по согнутому локтю, и сок выплеснулся на стол. – Огромный такой железобетонный болт!.. Хотите знать, что они все представляют из себя на самом деле?

Крячко промолчал. Он знал, что продолжение и так не заставит себя ждать, и не ошибся.

– Пашка – хапуга! Все под себя. Для него через человека перешагнуть – все равно что рюмку водки выпить. – Андрей глотнул апельсиновый сок, поморщился и машинально понюхал тыльную сторону ладони.

Он до сих пор не заметил подмены.

– Наташка – шлюха! Да, Кирилл, конечно, в этом плане тоже был не святой. Он любил женщин. Но для мужика это нормально.

Крячко машинально кивнул в знак согласия.

– Но ведь что позволено Юпитеру, то совершенно неприемлемо... нет, не для быка, а для такой коровы, как Наташка. Ей бы сидеть тише воды при таком-то муже, а не разбрасывать ноги перед всяким сбродом. – Доронин в очередной раз икнул, но уже не стал извиняться.

Он твердо встал на победоносный путь доносов и разоблачений.

– Светка! Эта клялась Кириллу в вечной любви, а сама только тянула из мужика бабки и мечтала залететь от него! Наивная дура!.. Олег – просто тряпка. Об него ноги любой мог вытереть. Говорили, что Кирилл уважал такое занятие, но это не так. Любой, кто входил в дом, тот и вытирал. Железобетонно. А чего стесняться, если человечешка сам добровольно хребет подставляет? Мол, не желаете ли ноги вытереть? Про Галку вообще разговор отдельный. Кирилл жалел ее. Иначе она из «дурки» не вылезала бы. Там ей самое место! Я только сейчас стал понимать, от какой ужасной ошибки уберег меня Кирилл.

– От какой ошибки?

– От сестрицы своей. Все ведь могло сложиться иначе. Да ладно! – Андрей махнул рукой. – Сейчас это уже не имеет никакого значения! Что было, то прошло. – Он замолчал, удивленно уставился на стакан сока в своей руке, недовольно отставил его в сторону.

Потом Андрей с трудом отыскал глазами рюмку, наполненную водкой, и потянулся к ней.

Крячко молча наблюдал за его манипуляциями. Доронин сказал много. Наверняка гораздо больше, чем хотел. Но давить на него прямо сейчас, чтобы узнать что-то еще, пожалуй, не стоило. Станислав посчитал, что для этого еще будет время.

– Выходит, любой из них мог оказаться убийцей? – задал он нейтральный вопрос.

Андрей икнул, затем выпил и ответил:

– Запросто. Любой.

– Кроме вас? Верно?

– Железобетонно, – заверил сыщика Доронин. – Я не мог. У меня единственного не было повода. Или как там говорится на вашем профессиональном языке?... Мотива! Вот! У меня его не имелось, господин полковник. Я кристально чист. Я искренне любил Кирилла, обязан ему абсолютно всем. Был. А эти!.. – Он снова неопределенно махнул рукой. – Крысы!

Крячко выдержал небольшую паузу, давая возможность Андрею справиться с нахлынувшими эмоциями. Другу убитого бизнесмена понадобилась для этого еще одна рюмка водки. Доронин выпил, хаотично пошарил глазами по столу в поисках какой-нибудь стоящей закуски, но так и не сумел ни на чем остановить свой выбор.

– Убийство Кирилла Роточкова произошло в интервале между двумя и тремя часами ночи, – напомнил Крячко. – Где в это время находились вы, Андрей?

– Трудно сказать. Часов-то на мне не было. Но, вероятнее всего, в сауне. Железобетонно. Я люблю сауну. Это как очищение. Причем не только внешнее, но и внутреннее.

– Вы были там один?

– Не всегда. Другие тоже выходили, заходили. Зинка большей частью со мной была. Но купальник ни разу не сняла, зараза. А вы говорите «серьезные отношения». Откуда же им взяться, если баба с купальником срослась? – Андрей пьяно усмехнулся и поспешно подбрал слюну, готовую вновь сорваться с нижней губы. – Это уже не серьезные отношения, господин полковник, а детский сад.

– А вы сами, значит, сауну не покидали? – гнул свою линию Крячко.

– Почему же? Покидал, конечно. В бассейне ополоснуться, покурить, выпить. Кирилл не любил, чтобы в сауне дымили и бухали. Все соблюдали это правило. Я хоть и был ему как брат родной, но тоже вел себя прилично. – Андрей тяжело откинулся на спинку стула.

Его лицо уже не выглядело таким гладко выбритым, как несколько часов назад. На подбородке начала робко проклевываться щетина.

– Вы правы, господин полковник, – изрек он.

– В чем?

– Хватит бухать. Пора и освежиться немного. – Доронин предпринял попытку подняться со стула и даже совершил этот подвиг, пусть и не сразу. – Пойду поплаваю в бассейне. Я ведь могу это сделать? Не возбраняется?

– Вы можете делать все, что вам угодно, в пределах территории.

– И в сауну можно?

– Можно.

– О! Супер! – Андрей пошатнулся, оперся одной рукой о край стола, а другой – о спинку стула и все-таки кое-как сумел удержать равновесие. – Я буду в сауне, если что. Хотите со мной, господин полковник?

Крячко тоже поднялся из-за стола:

– Нет. Спасибо. Я сегодня без купальника.

Андрей пьяно засмеялся. Шутка ему понравилась.

– Только еще один вопрос, – остановил его Станислав.

– Да?

– Постарайтесь вспомнить, где вы находились в тот момент, когда вам стало известно о смерти Кирилла.

– Да тут и вспоминать нечего. – Андрей расстегнул рубашку, при этом оторвал среднюю пуговицу. – Тогда я точно был в парилке. Я это хорошо помню. Крики, донесшиеся до меня, были приглушенными. Я неохотно вышел к бассейну через зимний сад. Можно было и напрямую пройти, но мне показалось, что кричали как раз в зимнем саду. Оказалось, нет. Я вышел...

– Вы были один? В сауне?

– Да. А уже у бассейна я увидел всех этих крыс. Они сбились там в кучку и давай галдеть. Яшка пытался их успокоить, сказал, что уже вызвал копов. Вас то есть.

– Там были все?

– Вроде того. – Андрей стоял перед сыщиком в расстегнутой рубашке, покачиваясь из стороны в сторону, как рябина на ветру. – Хотя нет. Галки, по-моему, не было. Она пришла позже. Но железобетонно не поручусь.

7 часов 15 минут

Гуров стоял по центру гостиной, расставив ноги на уровне плеч. Вид у полковника был весьма суровый. Свет падал из окна на его могучую спину, лицо оставалось в тени. Пиджак расстегнут таким образом, чтобы видна была массивная рукоятка табельного оружия, торчащая из наплечной кобуры.

Крячко расположился левее напарника. За столом. Положил перед собой ладони, сцепленные в замок. Развитие событий совсем не нравилось Станиславу. Но результаты экспертизы – это не путаные, ничем не подтвержденные свидетельские показания Светланы Роточковой. С фактами, добытыми Самуилом Марковичем, не поспоришь.

Лейтенант Беспалов ввел девушку в помещение, придерживая ее за локоть, затем отпустил, сделал шаг назад и загородил своей массивной фигурой дверной проем. Путь к отступлению для Зинаиды был отрезан.

Она испуганно подняла глаза на Гурова и с дрожью в голосе проговорила:

– Что случилось? Ко мне возникли какие-то дополнительные вопросы? Опять?

– К сожалению, все не так просто, госпожа Ромащенко. – Голос полковника звучал сухо и подчеркнуто официально. – Мы получили результаты экспертизы...

– Какой еще экспертизы? – быстро перебила Гурова Зинаида.

– Экспертизы относительно того, чьи именно ногти оставили след на запястье убитого. Теперь мы знаем, что это сделали вы.

Девушка шатнулась так, словно Гуров влепил ей звонкую пощечину. Она обернулась на дверь, но ее взгляд уперся в лейтенанта, успешно изображавшего непрístupную стену. Затем Зинаида с мольбой уставилась на Крячко, молча восседавшего за столом. Руки ее задрожали, лицо быстро покрылось мертвенной бледностью. Казалось, еще секунда, и она неминуемо грохнется в обморок. Прямо тут, посреди гостиной.

– Я не понимаю. – Глаза девушки наполнились слезами.

Она по-прежнему смотрела мимо полковника Гурова – на его напарника.

– Я ведь вам сказала, что никого не убивала, Стас. Вы говорили, что верите мне.

Крячко молчал.

– Факты! – ответил за него Гуров. – Они, госпожа Ромащенко, вещь очень даже упрямая. Так что у вас сейчас есть два пути. Вы рассказываете нам все как было, либо мы вынуждены будем забрать вас в управление. Там наша беседа состоится уже совсем при иных обстоятельствах. Не самых благоприятных для вас. Поверьте.

– Меня арестуют?

– Если вы продолжите вводить следствие в заблуждения, то да.

– Но я ни в чем не виновата!

Нервы Станислава не выдержали. Он рывком поднялся из-за стола, стремительно подошел к Зинаиде, слегка приобнял ее за талию и проводил до ближайшего стула.

Девушка не села, а буквально плюхнулась. По ее щекам текли слезы. Крячко налил в стакан воды из графина и подал Зинаиде. Но она пить не стала.

– Я не виновата, – как заведенная твердила барышня. – Ни в чем. Честное слово.

Крячко занял место рядом с ней, взял девушку за руку.

– Хорошо, – сказал он. – Если вы ни в чем не виноваты, то как объясните царапины на руке убитого? Они ведь оставлены вами.

– Это вышло случайно. Я не хотела. Кирилл начал приставать. Довольно грубо и бесцеремонно. Мне это не понравилось, сами понимаете. Он схватил меня за руку. Я вырвалась, но никого убивать и не думала.

– Когда и где это случилось? – спросил Гуров, коршуном нависнув над девушкой.

Она низко склонила голову и почувствовала горячее дыхание сыщика у себя на макушке.

Зинаида молчала не менее двух минут, а затем ответила:

– Почти сразу, как мы с Андреем приехали сюда. Кирилл видел меня впервые в жизни и захотел познакомиться со мной поближе. То есть... нет, совсем не то, что вы подумали. – Зинаида продолжала беззвучно плакать. – Он сказал, что ему интересно будет поговорить со

мной. Мы прошли в его кабинет, и там Кирилл... он совершенно неожиданно начал хватать меня...

– Довольно! – резко оборвал девушку Гуров. – Рассказать нам правду, как я понял, вы не хотите. Собирайтесь, госпожа Ромащенко. Едем в управление!

– Но я говорю правду! Правду! Правду!

У нее не осталось сил сдерживать себя. Она вырвала руку из пальцев Крячко, закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Громко, в голос, с протяжным подвывом.

Крячко недовольно посмотрел на напарника. Гуров в ответ только пожал плечами, демонстрируя полное равнодушие к происходящему.

Лейтенант Беспалов чувствовал себя немного неуютно. Он тупо переминался с ноги на ногу на фоне дверного проема гостиной.

Рыдания Зинаиды длились почти пять минут. Никто из оперативников не торопился продолжать допрос. Они проявили милосердие, дали девушке возможность справиться с истерикой, накатившей на нее.

Когда плач стал затихать и пошел на убыль, Гуров придвинул стул и занял место напротив Зинаиды.

– Выпейте! – Он кулаком подтолкнул в ее направлении стакан с водой.

На этот раз барышня не посмела послушаться.

– Я говорю правду, – на всякий случай напомнила она, дважды всхлипнула и принялась жадно пить.

Руки девушки дрожали. Гуров забрал у нее стакан, когда тот опустел.

– Вы лжете, Зинаида, – сурово произнес он. – И нам это прекрасно известно. Продолжая врать, вы стремительно сокращаете свой кредит доверия. Даже в глазах полковника Крячко.

– Послушайте...

Но Гуров категорично покачал головой:

– Нет, это вы меня послушайте, Зинаида. Экспертизой установлен не только тот человек, который оставил царапины на запястье погибшего, но и предположительное время, когда такое произошло. Это максимально близко к моменту смерти Роточкова. Самое большее за полчаса до нее. Но царапины никак не могли появиться на его руке сразу же после вашего приезда сюда. Понимаете, о чем я?

Зинаида нетерпеливо вскинула голову, желая сказать что-то, но Гуров вновь не позволил ей раскрыть рот раньше времени.

– Это еще не все, – продолжил он. – Во избежание новой лжи я должен вас предупредить, что следствие располагает свидетельскими показаниями против вас. Зинаида, вы покидали кабинет Роточкова в районе двух часов ночи. То есть опять-таки приблизительно тогда, когда он и был убит.

– Но я не убивала!

– Может, и так, – не стал спорить полковник Гуров. – Тогда расскажите нам для начала все, что произошло с вами вечером и ночью. Как на духу, Зинаида. Без утаек.

– Хорошо. – Она вытерла глаза ладонью, размазала по щекам тушь. – Я все расскажу вам. С чего мне начать?

– Начните с главного, – посоветовал Гуров. – Итак, вы были в кабинете убитого?

– Была.

– В каком часу?

– Где-то в половине второго. – Зинаида придвинула к себе пустой стакан, и Крячко услужливо поспешил наполнить его водой из графина. – Не в два часа, как вы говорите, а раньше. Когда я уходила, Кирилл еще был жив.

– Зачем вы приходили?

– Мы были в бане. С Андреем и Наташей, – проговорила девушка, глотнув воды. Морща лоб, она старательно воспроизводила в памяти недавние события.

– Потом Наташа ушла проверить, как там остальные гости. Мы остались с Андреем вдвоем. Он поцеловал меня, я ответила, но дальше этого дело у нас не пошло. – На этих словах Зинаида почла за благо слегка подтянуть к коленям свою мини-юбку. – Через какое-то время Андрей пошутил, что имениннику, наверное, сейчас очень одиноко, раз все его гости разбрелись кто куда. Он сказал, что, видимо, стоит позвать Кирилла к нам. Дескать, как-то неудобно получается. Андрей попросил меня сходить за Кириллом. В кабинет. Туда, где потом... вы меня понимаете.

– Почему он не пошел сам? – спросил Крячко и нахмурился.

Зинаида пожала плечами, опять глотнула воды и ответила:

– Не знаю. Наверное, решил, что Кириллу будет приятнее, если его позовет девушка. В общем, я набросила парео и пошла в кабинет к Кириллу. А там почти все произошло так, как я вам и рассказала. Даже не почти. Именно так все и было. Кирилл оказался пьян, начал приставать ко мне, нести какую-то чушь. Дескать, я – отличный подарок на его день рождения. Говорил, что ужасно завелся, едва увидел меня. Весь вечер только и думал о том, как мы с ним чудно покувыркаемся в комнате на втором этаже. Одной рукой он схватил меня за задницу, а второй потащил к лестнице. Я начала отбиваться, умоляла его оставить меня в покое. Но Кирилл только посмеивался. Я толкнула его в грудь. Тогда он перестал веселиться, разозлился, жестко схватил меня за локоть. Так крепко, что мне пришлось буквально отди- рать его руку от своей. Тогда я, видимо, и оцарапала Кирилла. Он еще хотел ударить меня, но я увернулась и убежала. Это все. Больше ничего не было. Клянусь вам! Я не убивала его!

Минуту Гуров молча смотрел девушке в глаза. Ее все еще потряхивало на нервной почве. Она снова отпила из стакана и шумно сглотнула.

– Это все, – повторила Зинаида.

– Почему вы никому не рассказали об этом? В том числе и нам?

– Я не хотела. По двум причинам. – Зинаида потупила взгляд. – Вернее, сначала была одна, а потом она сменилась другой.

– Что это за причины?

– Я не хотела, чтобы об этой истории узнал Андрей. Да и все остальные тоже. Жена Кирилла, Наташа, прочие родственники. Они могли решить, что я сама дала повод Кириллу вести себя подобным образом. Андрей не должен был так думать. А потом стало известно, что Кирилла убили. Прежде всего я подумала о том, что Андрей все-таки узнал о случившемся. Каким-то образом. Это он убил своего друга. Я, конечно, уверена, что такого не было, но вы могли так подумать. Я не хотела неприятностей для Андрея.

– Не хотели для него, но совершенно не подумали о неприятностях для вас лично? – с сомнением протянул Гуров. – Не самый разумный поступок, Зинаида. Вам так не кажется?

– Но я ведь точно знала, что не виновна. Говорю же вам, когда я убежала из кабинета, Кирилл был еще жив.

– Это только ваши слова.

– Нет, не только, – сказала Зинаида и поставила пустой стакан на стол. – У меня есть свидетель.

– Вот как? – искренне удивился полковник. – И кто же он?

– Олег. Брат Кирилла. Он был в кабинете уже после меня. Поэтому я...

– Минутку! – Гуров всем корпусом подался вперед.

Зинаида невольно отшатнулась и услышала:

– Что значит после вас?

– То и значит. – Девушка испуганно понизила голос: – Когда я вырвалась из хватки Кирилла, сначала не сообразила, в какую сторону бежать, и бросилась к черному ходу. В

этот момент дверь на улицу открылась. Появился Олег. Я развернулась и побежала в другую сторону. Через арку, в холл и к зимнему саду. Но в холле я обронила парео. Видимо, оно развязалось, когда я отбивалась от Кирилла. Мне пришлось вернуться за ним. Тогда же до меня донеслись голоса из кабинета. Мужские. Кирилла и Олега. Я их не видела, только слышала.

– Но решили, что это именно они?

– Голос Кирилла до сих пор звенел у меня в ушах. Тут уж не перепутаешь. – Зинаида грустно усмехнулась. – А что касается второго... Да, я решила, что это Олег. Ведь я видела его входящим с черного хода. Логично было предположить, что второй мужчина он и есть. Заглядывать и выяснять, кто там, я, конечно, не стала. Вернулась в сауну, посидела там немного, успокоилась и пошла в бассейн.

– Посидели одна? – включился Крячко. – А Андрей?

– Когда я вернулась, его там не было. Слава богу. Иначе он заметил бы мое нервное состояние.

Гуров и Крячко коротко переглянулись.

Затем Лев Иванович поднялся, прошелся по гостиной, остановился у дальнего окна, жестом подозвал к себе лейтенанта.

– Поместите девушку в комнату на втором этаже. Под пристальное наблюдение, – негромко распорядился полковник. – Подозрения с госпожи Ромащенко еще не сняты. Так что пусть охрана глаз с нее не спускает. Ясно?

– Так точно, товарищ полковник!

7 часов 43 минуты

– Чем могу быть полезен? – с секундной паузой после каждого слова поинтересовался Олег.

Он не распахнул дверь до конца, а лишь приоткрыл ее ровно настолько, чтобы в образовавшемся зазоре могла появиться его голова с высоким лбом и двумя острыми кинжальными залысинами. Впускать Крячко в комнату Роточков-младший явно не собирался.

Но у Станислава были иные планы на этот счет.

– Мне нужно с вами поговорить, Олег.

– Зачем? О чем? Почему я не могу провести в тишине и покое хотя бы несколько минут?

– Вообще-то мы тут не плюшками балуемся, а ведем расследование убийства вашего брата, – иронично напомнил Крячко.

– И что? – Олег остался невозмутим. – Меня допрашивали уже дважды. Я сказал все, что знал, и не добавлю ничего нового.

– Все же у меня есть для вас пара свежих вопросов. Я могу войти?

Олег ответил не сразу. На его лице отобразилось колебание. Он критически смерил полковника взглядом с головы до ног, недовольно поморщился и только после этого неохотно открыл дверь.

Крячко моментально заметил, что в правой руке Роточкова сжаты большие портняжные ножницы. Олег перехватил взгляд сыщика и торопливо спрятал их за спину.

– Что вы делаете? – спросил Крячко.

– Это не ваше дело. В своей комнате я имею право вытворять все, что только захочу. Я здесь один, соответственно, никому не причиняю никакого вреда. Так что у вас за вопросы?

Станислав быстро огляделся. Олег действительно был в комнате один. Светлана отсутствовала.

Брат погибшего бизнесмена стремительным шагом вернулся к столу, выдвинул верхний ящик, убрал в него ножницы и большой фотоальбом. Потом он небрежно смахнул туда же и множество бумажных обрезков. Олег задвинул ящик, перегородил стулом доступ к нему и повернулся лицом к сыщику. Он не стал садиться и не предложил сесть непрошеному

гостю. Просто молча смотрел на него своими зелеными, глубоко посаженными глазами и ждал вопроса.

Крячко решил не затягивать процесс и заявил:

– Нам стало известно, что вы рассказали не все, Олег.

– Вот как? С чего вы решили? – Младший Роточков все так же делал секундные паузы между словами.

Видимо, это была его привычная манера общения.

– Вы умолчали о том, что в районе двух часов ночи заходили в кабинет своего брата и о чем-то разговаривали с ним. Вас видели.

– Эта девка? – Олег не удивился, не выказал признаков волнения и вообще не проявил никаких эмоций. – Я догадался. Она ведь сама выбежала из кабинета Кирилла перед тем, как я зашел туда. Мы едва не столкнулись с ней в коридоре. Потом она рванула в противоположную сторону. Как видите, я не делаю из этого тайны.

Крячко был немного сбит с толку. Он не ожидал от Олега такой вот откровенности.

– Но ведь это в корне противоречит тем показаниям, которые вы давали раньше.

– Разве?

– Да. Вас спросили, где и когда накануне вечером вы в последний раз видели убитого. Вы ответили, что за столом, в беседке.

– Это неправда. – Олег неопределенно махнул рукой. От рукава его рубашки отлепился овалный кусочек твердой бумаги и упал на пол в метре от Станислава. – Я помню, как говорил на эту тему с участковым. Он спросил меня не о том, когда я последний раз видел Кирилла. Формулировка была иная: когда я последний раз с ним разговаривал.

– А по-вашему, тут есть какая-то существенная разница? – осведомился Крячко, шагнул вперед и накрыл упавший кусочек бумаги носком ботинка.

Олег не обратил на это никакого внимания.

– А по-вашему, нет? – Он презрительно хмыкнул: – Разница колоссальная! «Видеть» и «разговаривать» – это два глагола, означающих совершенно разные действия. К вашему сведению, господин полковник, я – филолог по образованию.

– Но ведь в кабинете вы разговаривали с вашим братом. Разве нет? Это было значительно позже, чем...

– Нет, не разговаривал, – оборвал полковника Олег. – Я хотел с ним побеседовать, но ничего у меня не вышло. Кирилл был не в духе и просто велел мне убираться куда подальше. Вы считаете, это похоже на конструктивный разговор?

– Не знаю, – несколько раздраженно откликнулся Крячко. – В отличие от вас, я не филолог. А о чем вы хотели поговорить с Кириллом?

Олег не ответил. Он демонстративно хранил молчание, всем своим видом давая понять, что не будет откровенничать с сыщиком по этому поводу.

Станислав сокрушенно покачал головой. И почему они все такие упрямые, пока их как следует не припугнешь? Почему только страх делает человека словоохотливым? Даже филологи не являются исключением из правил.

– Мне кажется, вы не понимаете всей серьезности ситуации, Олег, – проговорил полковник так, словно втолковывал непреложные истины младенцу. – Вы были последним, кто видел Кирилла живым. Совершенно не важно, разговаривали вы с ним при этом или нет. Именно вы автоматически становитесь первым в списке подозреваемых. Согласно букве закона, я имею полное право надеть на вас наручники, отвезти в управление, потолковать там совсем по-другому, оформить задержание на семьдесят два часа. А это не такой уж маленький срок, как вам кажется, особенно если проводить его в камере следственного изолятора. Соседи могут попасться не самые приятные, Олег.

Роточков-младший сморщился так, словно Крячко заставил его целиком сжевать свежий лимон. Руки его потянулись к макушке. Олег явно приготовился рвать на себе остатки волос.

– Я не убивал Кирилла, – сказал он. – Хотя последние годы только и мечтал об этом. Все шло к тому. В итоге я все равно прикончил бы кого-нибудь. Его, себя или ее. Я чувствовал, что схожу с ума, и бесился от собственного бессилия. Так не могло продолжаться вечно. Это было настоящей пыткой.

– О чем вы говорите?

– О Кирилле и своей жене. О Светке. О том, что они вытворяли у всех за спиной. Вернее, эти голубки думали, что делают это тайно. Но все обо всем знали, тыкали в меня пальцем и смеялись. Вам об этом еще не доложили?

– О романе Кирилла с вашей супругой? – уточнил Крячко. – Что-то такое я слышал.

– Да бросьте вы, господин полковник! – Олег отлепился от стола, прошел к креслу, буквально упал в него и достал из кармана пачку сигарет. – О чем это вы изволите говорить? Роман – это когда два человека любят друг друга, мечтают остаться наедине, дорожат каждым мгновением, проведенным вместе. Вот это настоящий роман. А то, что происходило между Кириллом и Светкой, иначе как похотью и желанием унижить меня не назовешь. Когда ему элементарно становилось скучно или неожиданно хотелось секса, а поблизости не было других кандидатур, он просто взмахивал рукой. Светка неслась к нему сломя голову. По пути она уже задирала юбку и спускала трусы, чтобы, не дай бог, Кирюшино желание не испарилось раньше, чем ей удастся удовлетворить его.

Полковник неприязненно поморщился и спросил:

– А ей для чего это было нужно?

– Деньги, – пояснил Олег и хмыкнул: – Для чего же еще? Бабки, драгоценности, автомобили и так далее. Кирилл щедро оплачивал ее услуги. Он давал ей то, чего я никогда не смог бы. Но всему приходит конец. Светка по глупости своей не понимала этого. – Олег выкурил сигарету наполовину, чуть повернулся и потянулся к пепельнице.

Крячко воспользовался этим. Он быстро нагнулся, поднял с пола обрезок плотной бумаги, взглянул на него и убрал в боковой карман пиджака. Полковник понял, что это такое. От рукава Олега отлетел кусочек фотобумаги. На нем было лицо его брата Кирилла, неровно вырезанное здоровенными ножницами из какого-то снимка.

– Чего именно она не понимала? – спросил Станислав.

Олег поднял на него взгляд и осведомился:

– Вы тоже не понимаете? Рано или поздно она просто обязана была надоесть Кириллу. Все приедается. И Светка не исключение.

– Кирилл собирался прекратить отношения с вашей женой? – уточнил Крячко.

– Именно. Он не нашел ничего лучшего, как сообщить ей об этом вчера, в свой день рождения. – По губам Олега скользнула злорадная усмешка. – Можете представить ее реакцию? У дамочки прямо-таки башню снесло. Она начала цепляться ко всем, в первую очередь ко мне, конечно. Требовала, чтобы я решил эту проблему. Я! Представляете? Верх цинизма! Светка громко говорила о том, что если Кирилл ее бросит, то мне тоже мало не покажется. Он запретит нам бывать у него в доме, лишит нас всяческой благосклонности, материальной поддержки. В итоге мы с ней просто умрем в нищете. Разумеется, в ее словах было зерно истины. Это понятно. Но каково было мне терпеть такое!..

– А как вы терпели до этого? – У Станислава не возникло ни капли жалости к этому мелкому, раздавленному человечку.

Олег замешкался, потом пробубнил:

– Я любил ее. Светку. Всегда.

– Только ее? Или деньги вашего брата тоже?

Роточков резко вскочил на ноги, бросил окурок в пепельницу и с силой придавил его ногтем большого пальца.

– Прекратите! Немедленно замолчите! Слышите? – В его голосе появились истеричные визгливые нотки. – Какое вы имеете право судить меня? Что вы знаете обо мне, о моей жизни? Да! Я материально зависел от Кирилла! А он еще и трахал мою жену. Я жил в аду! Понятно? Хотя как вы можете это уразуметь?.. – Олег дернул на себе ворот рубашки так, будто ему не хватало воздуха. – Простите! Мне нужно на улицу! Хочу немного проветриться. Если желаете, можем продолжить разговор там. Хотя мне сейчас не до бесед.

– Вы мне так и не ответили, что делали в кабинете убитого в районе двух часов ночи, – жестко напомнил Крячко. – Хотели убедить его не бросать вашу жену? Продолжать спать с ней и содержать вашу семейную пару?

– Да! – выкрикнул Олег. – Я хотел говорить с ним именно об этом! Мне пришлось! Светка не слезла бы с меня живого!.. Но Кирилл не стал ничего слушать. Сказал, что он не в настроении выслушивать мое нытье. Мол, проваливай. Он даже с дивана не поднялся. Еще сообщил, что через час приедет Яков и увезет нас со Светланой. После чего мы вообще не должны показываться ему на глаза, пока он сам не позовет. Я готов был убить этого скота в ту же секунду! И сделал бы это! Клянусь вам!.. Я схватил со столика бутылку коньяка и уже замахнулся, собираясь разmozжить ему башку, но тут услышал какой-то шорох со стороны лестницы. Кто-то спускался со второго этажа. Я предпочел смыться. Моментально!.. Не знаю, кто там был, но этот человек определенно спас Кириллу жизнь!

– Или лишил его жизни, но чуть позже, – мрачно заключил Крячко.

Олег не расслышал его слов. Он жадно ловил ртом недостающий воздух. Белки его глаз покраснели.

– Я не могу, – сдавленно прохрипел он. – Мне нужен воздух. Оставьте меня одного хотя бы на какое-то время. – Олег бросился к двери, распахнул ее настежь и выскочил наружу.

Крячко не пошел за ним. Вместо этого он неторопливо прошел к столу, стоявшему возле окна, и выдвинул верхний ящик. Рядом с большими портняжными ножницами и фотоальбомом рассыпью валялись овалы, вырезанные из снимков. В основном на них были лица Кирилла, но Станислав заметил и Светлану.

Сыщик раскрыл альбом на первой попавшейся странице. На одном из фото были запечатлены оба брата и Светлана. В полный рост. У женщины и Роточкова-старшего все теми же ножницами были неровно вырезаны области гениталий. Себе Олег черным маркером пририсовал гигантские олени рога.

8 часов 10 минут

– Интересно, очень даже, – сказал Гуров, пробежав глазами по строчкам, темневшим на экране портативного ноутбука. – Весьма любопытно. Откуда информация?

– С главного компьютера в офисе убитого Роточкова, – доложил оперативник, сидящий рядом на низеньком круглом табурете. – Я посчитал, что вам это может пригодиться, товарищ полковник.

– Вы не ошиблись. – Гуров по-доброму улыбнулся. – Но мне нужны оригиналы документов.

– Ищем. Уверен, они где-то в офисе либо на квартире покойного. Наши люди работают и там, и там.

– А здесь?

– Здесь тоже будем искать, – сказал оперативник.

– Хорошо. – Полковник слегка сдвинул в сторону ноутбук, поднял взгляд на лейтенанта Беспалова, ожидающего его распоряжений, и спросил: – Где он сейчас?

Лейтенант мгновенно вытянулся по стойке «смирно».

– Полковник Крячко сказал, что Андрей Доронин отправился в сауну и был при этом, мягко говоря, не совсем трезв.

– Тащите его сюда. Если дело совсем плохо, постарайтесь хоть немного привести клиента в чувство. Дайте ему выпить разбавленного нашатыря, что ли. Но он нужен мне здесь через десять минут. А лучше – раньше.

Лейтенант кинулся исполнять приказ.

Оперативник, сидящий рядом с Гуровым, тактично откашлялся в кулак.

– Товарищ полковник!.. – Он подвинулся ближе вместе с табуретом, и сыщик почувствовал резкий запах дешевого одеколона. – Я хотел бы обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство в этой документации. Взгляните сюда. – Опер вывел на экран столбцы цифр. – Эти счета не имеют прямого отношения ни к магазинам Роточкова, ни к его ресторанному бизнесу. Знаете, что это такое?

– Что? Какой-то нелегальный доход?

– Почти. Это тотализатор, товарищ полковник. Во всяком случае, нечто похожее на него. Я немного разбираюсь в этом, – проговорил оперативник и виновато потупился. – Люблю иногда пощекотать нервы ставками на спорт. Футбол, хоккей. В этих делах я чуть-чуть разбираюсь. Иной раз мне удается предугадать результат.

– И с каким видом спорта связаны эти ставки? – Гуров кивнул на экран ноутбука.

– Я не уверен до конца, что это тотализатор, но, скорее всего, так оно и есть. С учетом того, что тут нет варианта «тотал», логично предположить, что основное количество ставок делалось исключительно на индивидуальные виды спорта. Это может быть борьба, бокс, фехтование.

– Покойный Роточков занимался боксом, – припомнил полковник.

– Возможно, это все связано именно с ним. Настораживает другое. – Оперативник снова откашлялся и продолжил: – Цифры со знаком «плюс» существенно преобладают над теми, которые отмечены знаком «минус». Получается, что человек, который вел этот учет, чаще срывал банк, чем терял ставку. Но и это еще не все. Крупные проигрыши тут тоже есть. Очень многие цифры, как я заметил, совпадают с теми, которые вы видели в долговых расписках Доронина. Хотите взглянуть еще раз? Тогда убедитесь в этом сами.

– Давайте.

Гуров заинтересовался. Он не знал пока, как это может быть связано с расследуемым убийством, да и касается ли его вообще, но ему могла пригодиться информация любого рода.

Оперативник вывел на экран оба документа сразу. Полковник внимательно ознакомился с цифрами слева и справа, потом согласно кивнул. Оперативник был прав: совпадения имелись, и их было немало.

Доронин появился через семь минут. Сказать, что он был абсолютно трезв, было бы огромным преувеличением, но лейтенант Беспалов явно сделал все, что только мог.

Андрей хотя бы сумел осмысленно взглянуть на Гурова, когда разместился с противоположной стороны стола. Он был в плавках и в рубашке, накинутой на мокрое, худощавое, лишенное мускулов тело. С его появлением помещение мгновенно наполнилось запахами алкогольных испарений.

– Я, наверное, у вас самый главный подозреваемый, да? – Доронин растянул губы в пьяной улыбке. – Больше никого нет? Почему меня мордуют допросами чаще других? Я рассказал уже все, что знал. Я меньше всех был заинтересован в смерти своего лучшего друга! – Андрей слегка покачивался из стороны в сторону, пытался поймать равновесие, сидя на стуле.

Гуров молча наблюдал за ним и с вопросами не торопился. Пауза начала затягиваться.

Улыбка стерлась с лица Доронина.

– Что-то не так? – осведомился он.

– Скажите, вы знали о том, что Кирилл Роточков незадолго до своей гибели пытался изнасиловать Зинаиду Ромащенко? – наконец-то поинтересовался полковник.

Андрей несколько раз моргнул.

– Кто вам сказал?

– Она официально дала показания.

– Зинка-то? – Андрей скроил презрительную гримасу. – Ну да, конечно! Вы ее слушайте больше. Изнасиловали бедняжку. Ага! Ну, может, и поприставал к ней немного Кирилл. Пофлиртовал, так сказать. А вы говорите про изнасилование.

– Выходит, вы знали об этом? – спросил Гуров и нахмурился.

– О чем? О том, что Зинка ходила к нему в кабинет и по дури своей отвергла ухаживания богатого, уважаемого человека? Да. Об этом я знал. Железобетонно. Кирилл сам попросил меня...

– О чем попросил?

– Как бы это сказать?.. Он попросил меня свести его с Зинкой. Так, кажется, это называется.

– Если вы ищете правильное слово в отношении вашего поступка, Андрей, то я могу его подсказать. – Полковник ничуть не старался скрыть свое презрение к субъекту, которого он сейчас допрашивал. – Это называется сутенерство.

– Что? Какое еще сутенерство? Я никем не торговал, господин полковник, – открестился Доронин от обвинения. – Друг попросил, я не отказал. Обычная услуга. Железобетонно.

– Обычная услуга? Отдать свою девушку?

– Она – не моя девушка. Мы познакомились только пару дней назад. Кириллу онаглянулась. Я охотно уступил ее лучшему другу, но сказать ей об этом прямо не мог. Она же, типа, приличная.

– Часто такое случалось?

– Что именно?

– Чтобы Кириллу нравилась ваша новая девушка и вы ее ему уступали, – пояснил сыщик.

Доронин помолчал немного, потом сказал:

– Бывало, конечно, и прежде. А что тут такого? – вскинулся он. – Мы же с ним не чужие. Мне для друга ничего не жалко. Особенно какой-то там девицы. Кирилл много сделал для меня по жизни. Я уже говорил об этом.

– Таким вот образом вы возвращали ему долги? – резко выдал Гуров.

– Какие долги?

– Вот эти. – Полковник развернул ноутбук, стоявший перед ним таким образом, чтобы Андрей мог видеть документы на экране.

Тот склонился и пьяно прищурился. На осмысление увиденного у Доронина ушло не меньше полутора минут. Потом он испуганно так резко отшатнулся от ноутбука, словно оттуда на него готовился выпрыгнуть жуткий скалящийся монстр.

– Откуда это у вас? Что такое? Зачем? При чем тут вся эта хрень?..

– Это вовсе не хрень, Андрей, – спокойно отреагировал Гуров. – Вы видите электронные копии ваших долговых расписок. Оригиналов у нас, правда, пока нет, но скоро мы обязательно отыщем и их. Просто странно, что вы забыли упомянуть о ваших огромных долгах Кириллу Роточкову. Как видите, он старательно фиксировал эту цифирь и с ее помощью держал вас на коротком поводке. Так? Я ничего не путаю?

– Это бред! – Андрей замотал головой. – Ничем он меня не держал! Расписки эти были даны исключительно для проформы. Железобетонно. Кирилл, как и я, не придавал им никакого значения. Это все Виталий Владимирович!..

– Какой еще Виталий Владимирович?

– Коробов. Управляющий Роточкова, – ответил вместо Доронина оперативник, сидящий рядом с Гуровым. – Он заведовал всеми финансовыми делами погибшего бизнесмена. Андрей фыркнул и заявил:

– Не только делами, но и телами. Особенно активно Виталий Владимирович заведовал Наташкиными прелестями. А меня он всю жизнь ненавидит, старательно записывает все, что Кирилл дает... давал мне. По доброте душевной. Чисто по-дружески. Я же говорю вам. Железобетонно.

– Вы хотите сказать, что Коробов спал с женой Роточкова? – осторожно осведомился оперативник и покосился на Гурова, опасаясь, не нарушил ли он случайно субординацию.

Но полковник никак не отреагировал на это. Вопрос был задан и требовал ответа. Доронин вновь поерзал на стуле, отыскивая самое удобное положение.

– Я уж не знаю, спал он с ней или пытался заснуть. – Собственная шутка понравилась Андрею, и он негромко подхихикнул. – Но то, что он каждый раз при виде Наташки слюни пускал, – это совершенно точно. Обхаживал ее, короче. А про остальное я так, к слову. Чтобы знать наверняка, мне надо было с ними в одной постели оказаться, а я там не был. Групповуха с участием другого мужика – не моя стихия. Никогда не знаешь, в какой момент у тебя перед лицом окажется что-то совершенно нежелательное...

– Где оригиналы расписок? – перебил Лев Иванович словесный поток Доронина.

– Я не знаю, – честно ответил тот. – Но точно не у Кирилла. В смысле, их у него не было. Чего нам с ним делить?.. Вот Коробов наверняка и хранил оригиналы. Гнида! И как вообще Кирилл мог терпеть рядом с собой такую мразь?

– Вы играли на тотализаторе?

– А кто не играл? – Андрей пожал плечами: – Случалось, конечно. Кирилл и сам любил такое дело. Но это же не преследуется законом? Верно?.. Тем более что мне, как правило, не везло. Я в боксе не так хорошо шарю, как Кирилл или Павел. А они в этом разбирались. Железобетонно.

Гуров развернул обратно ноутбук и вновь взглянул на экран.

8 часов 43 минуты

Услышав шаги за спиной, Глинский вздрогнул, поспешно захлопнул дверцу холодильника и обернулся. Он соорудил самое невинное выражение лица, на какое только был способен.

– Фу ты, бес! – Яков облегченно выдохнул, столкнувшись взглядом с лейтенантом Беспаловым. – Напугал меня до бледноты, как говорится. Я ж думал, грешным делом, что это Наталья Сергеевна.

– А чего вы ее боитесь? – спросил Беспалов и подсел к столу.

Лейтенант раскрыл новенький похрустывающий блокнотик, достал из нагрудного кармана шариковую ручку.

– Давай только ты не будешь мне выкать, братишка, – попросил Яков, после чего вновь нырнул в раскрытый холодильник.

С минуту Беспалов имел возможность лицезреть только его оттопыренный зад.

– Мы же вроде не старики, – проговорил водитель. – А Наталья Сергеевна сердает шибко, когда я у них из холодильника продукты ворую. Не любит она этого. До жути просто. Я со вчерашнего обеда не жрал ни черта. Только и ношусь, как в задницу ужаленный. А покормить бедного Яшу никому и в голову не придет. Был бы шеф жив, он бы такого не допустил. Хозяин всегда только посмеивался надо мной, если у холодильника видел, но есть не запрещал. А эта мегера... она совсем другая.

Яков наконец-то вынырнул из холодильника с оторванной куриной ножкой в руке. На кафельный пол упало несколько жирных капель. Водитель снял ботинок, вытер их носком, потом снова обулся.

– У меня к вам... к тебе возникла пара новых вопросов.

– Валяй. Спрашивай.

Зубы Глинского жадно вонзились в куриную ногу. Попутно он вынул из холодильника еще и бутерброд с красной икрой и бережно пристроил его на краешке стола. Сам садиться не стал. Ел стоя, зубами отдирая от кости сочное мясо.

– Во время первого допроса ты показал, что приехал к трем часам ночи. По просьбе Кирилла Александровича. Так?

– Да. Шеф велел быть мне к трем. Я и приехал. Зашел к нему и увидел... тело. Ядрен батон! – Яков на мгновение перестал жевать. – До сих пор, как вспомню, в дрожь бросает. Я тебе честно признаюсь, братишка, но только не для протокола. Я ведь и в ментовку-то позвонил не сразу.

– Как – не сразу? – насторожился Беспалов.

– А так. Я минут пять, наверное, как в ступоре был. Стоял, пялился на покойника и не знал, чего делать. Подумал еще, а вдруг босс жив, но трогать не рискнул. Прикинул, раз так много кровищи – точно мертвяк. А как ступор прошел, так и позвонил. Руки ходуном ходили, прямо как с переполя недельного, в кнопки телефона не попадал.

– А зачем он просил тебя приехать?

Яков доел курицу, взял со стола салфетки, вытер руки.

Затем он завернул в эти бумажки косточки, равнодушно пожал плечами и ответил:

– Сказал, забрать кого-то надо будет.

– Олега и Светлану?

Яков снова пожал плечами:

– Может, и их. Он не уточнял. А я вопросов задавать не привык.

Глинский взял бутерброд, хотел было откусить от него добрую половину, но в последний момент передумал. Он положил бутерброд на прежнее место, и его голова вновь скрылась в недрах холодильника. Правда, на этот раз совсем ненадолго.

В правой руке водителя появилась початая бутылка водки. Он с опаской покосился на дверь, прислушался к звукам, раздававшимся в доме.

– Будешь? – коротко предложил Яков лейтенанту.

– Нет. Спасибо. Я при исполнении.

– Понимаю, – Глинский кивнул. – Не повезло, значит. А я могу себе позволить. Известно, сколько дней вы нас тут морозить будете.

– Пока не найдем убийцу.

– Вот я и говорю, неизвестно сколько.

Он свинтил крышку, сделал внушительный глоток прямо из горлышка, крикнул, вернул бутылку обратно в холодильник и только после этого откусил немного от бутерброда с икрой.

– Хорошо, – с улыбкой прокомментировал весь этот процесс Глинский.

Беспалов поймал себя на мысли о том, что немного завидует водителю, но тут же поспешил отогнать прочь эту крамолу.

– Когда Роточков отдал тебе распоряжение приехать к трем? – спросил лейтенант и раскрыл блокнот.

– Когда я приезжал в прошлый раз.

– В котором часу это было?

– Вот бес! Погоди-ка. Дай вспомнить. – На сухую Якову думалось явно хуже.

Поэтому он в очередной раз приложился к бутылке, бутербродом только занюхал, но откусывать больше не стал. Берег градус.

– Он сказал мне об этом в мой прошлый приезд. Я же целый день гонялся, как савраска. Туда-сюда, туда-сюда. «Яша, привези шашлык, спиртное, доставь гостей». В последний раз я был тут где-то в половине одиннадцатого. Ну, может, в начале. Коробка привез.

– Что привез? – Лейтенант старательно делал в блокноте какие-то пометки, одному ему понятные, но последние слова Глинского заставили его прервать этот творческий процесс.

– Не что, а кого. – Яков усмехнулся. – Коробок – это Коробов Виталий Владимирович. Управляющий покойного шефа. Что-то типа зама. Я его, конечно, в глаза Коробком не зову. Боже упаси! Жалобами завалит, а шефу потом разгребай. Дескать, оскорбление личности и все такое. Коробок у нас не простой. С заскоками.

– И вы привозили его сюда? – Беспалов задумчиво постучал краем ручки по передним зубам.

Он непроизвольно перешел с этим водителем обратно на «вы».

– Ага. Где-то в половине одиннадцатого. Вот шеф меня тогда, значит, отозвал в сторонку и говорит: «Ты, Яша, часам к трем подъезжай. Не хочу, чтобы некоторые тут на ночь оставались». Ну а я что? Раз надо, то приеду. А уж кого он там спровадить хотел, я не знаю. Сказал, «некоторые».

– А что, на своих машинах никто не приехал?

– Нет, конечно. Они же не дураки. Всем выпить охота. А руль водке только помеха. Это все знают. – Упоминание о водке подвигло Якова снова полезть в холодильник.

На дверь он уже с опаской не оглядывался. Первые глотки придали ему храбрости.

– Их всех я привез.

– А Коробок? – Беспалов сделал новую пометку у себя в блокноте. – То есть Коробов. Он зачем приезжал?

Яков выпил и хитро прищурился. Он машинально пригладил рукой всклокоченные волосы на макушке, но это не помогло им улечься.

– Тут мутная история, братишка, – сказал водитель. – Тебе как, официальную версию изложить или настоящую?

– И ту, и ту, – живо откликнулся лейтенант и тут же почему-то добавил: – Если не сложно.

– Мне ничего не сложно. – Яков все-таки решил закусить, мигом сжевал полбутерброда, подсел к столу и заявил: – Это ж только все думают, что водитель – дурак. Ничего не видит, ничего не слышит. Знай себе возит и помалкивает в салфетку. А все не так, братишка! Водитель любую мелочь подмечает. Это у него профессиональное. По сравнению с ним все остальные – слепцы. – Лицо Глинского на какой-то миг сделалось серьезным и сосредоточенным. – Если моя информация поможет вам убийцу шефа отыскать, так я все расскажу. Как перед священником. Про всех всю подноготную выложу. Но только если польза будет. Просто так трепаться мне никакого резона нет.

– Я уверен, что поможет. – Глаза Беспалова азартно заблестели.

Он представил себе, как крепит новые звездочки на погоны.

– Говорите.

– Лады. – Яков кивнул. – Давай сначала про Коробка. Тут такая, значит, история. Официально он привозил шефу какие-то бумажки на подпись. Заодно и с днюхой поздравить хотел, конечно. Я забрал Коробка из дома, мы заехали в офис, потом он в магазин заскочил, купил подарок какой-то. Уже потом мы сюда двинули. Пробыл Коробок тут никак не больше получаса. Бумажки подписал, подарок вручил, водочки махнул, вроде даже какой-то тост задвинул. Все по культуре, в общем. А как обратно ехать собрались, он мне и говорит: «Ты езжай один, Яша. А я прогуляться хочу. Погода хорошая. Пройдусь до трассы, а там поймаю попутку какую-нибудь». Я спрашиваю: «Уверены, Виталий Владимирович?» А сам-то уже смекаю, что тут к чему. Давлюсь от смеха, но виду не подаю. «Уверен, – говорит. – Езжай».

Разговор наш уже за калиткой был. Ну, я поехал, а в зеркало смотрю, он стоит. Типа, воздухом дышит. – Глинский не удержался, хохотнул, запихал в рот вторую половину бутерброда с икрой, проглотил и продолжил: – А я, значит, за угол свернул, остановился, из машины вышел и к крайнему дому вернулся. Захотел глянуть на Ромео нашего еще разок. Так он потоптался с минутку, а потом шаст в калитку. Но к гостям не пошел. Обогнул гараж и к черному ходу. Там, где лестница пожарная на второй этаж идет. Видел, наверное?

– Да, конечно. – Беспалов почувствовал, как от волнения у него покрылись испариной лоб и ладони.

Он быстро-быстро строчил слово за словом в своем блокноте. Информация Глинского в корне меняла ход расследования. В доме был еще один человек, о котором пока не знали ни Гуров, ни Крячко. Новые, пока еще воображаемые, звездочки на погонах лейтенанта ослепительно засверкали.

– Зачем он вернулся-то?

Яков приложил палец к губам, нырнул в холодильник, достал бутылку и сделал длительный, затяжной, прямо как прыжок парашютиста, глоток из горлышка.

Потом он без всякого стеснения громко рыгнул и ответил:

– К Наталье Сергеевне, жене шефа. Шуры-муры у них конкретные. Трах-тибидох. Врубаешься?

– Врубаюсь. И давно?

– Полгода где-то, – равнодушно бросил Глинский.

– А Роточков об этом не знал? Не замечал? Как же так?

– А так! Шеф наверняка заметил бы, если бы только ему самому было какое-то дело до этой Натальи Сергеевны. Но ему на нее плевать с высокого дерева. Вот потому и не видел. У него своих приключений хватает, братишка.

– Это каких же?

– А если скажу, это поможет делу? – настороженно осведомился Глинский.

– Без сомнения.

– Тогда ладно. Скажу. Там много чего было. – Яков опять хитро прищурился. – И с женой брата Светкой. И с невестой сына.

– С невестой сына? – переспросил Беспалов, не прекращая при этом заполнять свой блокнот мелким узористым почерком.

– С бывшей невестой. Антон узнал, что папаша его избранницу облагодетельствовал, и жениться как-то сразу передумал. Развонялся мальчонка, скандал закатил. А шеф по этому поводу особо не парился. Как говорится, сделал дело, гуляй мимо. Куча других женщин у него была. Уж больно он охоч был до этого дела, ни одну юбку не пропускал. Или хотя бы старался.

– А Зинаида? Андрей действительно ее вчера для Кирилла привез?

– Ну а для кого же еще-то? Для тебя, что ли? Только без обид, братишка.

– Но она же все-таки была его девушкой... – неуверенно протянул лейтенант.

Яков снова хмыкнул и заявил:

– Ну да. Правая рука для него девушка. Он всех таких особ шефу отдавал. Или мог при случае попользоваться объедками с барского стола. Не брезговал. Если ты понимаешь, о чем я. – Глинский помолчал немного, потом продолжил: – Андрей Галину любил. Сестру шефа, значит. Давно еще. Но проваландались они недолго. Шеф как узнал об их романе, тут же лавочку и прикрыл. Андрей-то, кстати, ничего. Смирился почти сразу. А сестрица шефова!.. Ох и хлебнул он с ней тогда! Она руки на себя хотела наложить, дуреха. Еле откачали. Но крыша все равно прохудилась. Напрочь. Шеф ее два раза в «дурке» держал. Эх! – Яков поднялся.

Он распахнул холодильник, решительно допил остатки водки и, не задумываясь о последствиях, поставил на полку совершенно пустую бутылку. Потом водитель взял со стола куриные кости, завернутые в салфетку.

– Пойду Чангу угощу, – сказал он. – Она ведь такая же, как я. Никто не вспомнит, не покормит. Разница в том, что я могу воровать жратву из холодильника, а она, бедолага, нет.

Уже у двери кухни водитель обернулся и сказал лейтенанту:

– Я, если надо, могу еще много чего припомнить. Ты обращайся, братишка. Водитель, он же все видит, слышит и много чего помнит.

9 часов 11 минут

Разобрать почерк лейтенанта было непросто. Беспалову то и дело приходилось разъяснять написанное.

Крячко склонился над плечом Гурова, сокрушенно покачал головой.

– Проще и быстрее криптографов вызвать, – посоветовал он. – Готов поспорить, лейтенант, что твоя учительница русского языка, проверяя диктанты и сочинения, твоей тетради старалась даже не касаться. Или открывала ее, основательно напившись валерьянки. Ты в какой школе учился?

– В сто семнадцатой.

– Перестань, Стас! – одернул напарника Гуров, пытаясь сосредоточиться.

– Я просто хотел узнать, кто эта бедная женщина с травмированной психикой.

Гуров перевернул лист, ознакомился с последними строчками и вернул блокнот Беспалову.

– Молодец, лейтенант, – не удержался он от искренней похвалы. – Такую информацию нарыл! Она дорогого стоит.

– Парню элементарно повезло, – сказал Крячко и поморщился: – Знай я, что этот водитель таким болтуном окажется, пообещал бы с ним в первую очередь. Так что ты не очень-то ободряйся, лейтенант. Работа опера далеко не всегда строится на везении. А вот хороший почерк везде в цене.

Беспалов широко улыбнулся. Он был доволен собой. Ему были одинаково приятны и похвала Гурова, и беззлобное ворчание Крячко. В этот момент лейтенант почувствовал себя в связке с этими людьми. Он был частью команды.

– Я учту это, товарищ полковник, – пообещал он, пряча блокнот в нагрудный карман рубашки.

– Учти обязательно. Кто еще наставит тебя на путь истинный, кроме старого и опытного полковника Крячко?

– Прикажете ехать за Коробовым? – Этот вопрос лейтенанта был обращен к Гурову.

Сыщик откинулся на спинку стула и потянулся к полупустой чашке кофе. Он уже успел погрузиться в омут собственных размышлений. Информация, полученная от Якова Глинского, имела немалую ценность, но в то же время порождала и множество новых нелегких вопросов. Гурову требовалось некоторое время, чтобы разложить все по полочкам и ясно представить себе все то, что здесь случилось. Пока у них имелись лишь разрозненные кусочки пазла. Свести все воедино не получалось.

– Да. Отправляйтесь, лейтенант, – сказал полковник, глотнул холодного кофе и поморщился.

Пора было уменьшить дозу тонизирующего напитка. Гурову требовалось что-то посущественнее для подпитки мозга.

– Доставьте его сюда как можно быстрее.

– А заодно захвати еще пиццы, – посоветовал Крячко. – Как говорится, война войной, а обед по расписанию. Правда, в нашем случае это будет второй завтрак.

– Сделаю. Разрешите идти?

Лейтенант покинул холл первого этажа, и в помещении на некоторое время установилось молчание. Гуров буравил взглядом абстрактную точку на противоположной стене. Крячко присел рядом с товарищем. Стул скрипнул под тяжестью его тела.

– Уверен, я знаю, о чем ты сейчас думаешь, Лева. Чем дальше в лес, тем больше ну его на хрен? Верно? Количество подозреваемых не только не сужается, а, наоборот, ширится в геометрической прогрессии. Сколько их уже? Человек десять? Двенадцать? Из тех, кто реально мог убить Роточкова?

– Теперь получается одиннадцать, если считать участкового Никифорова и Глинского, нашедшего тело, – машинально ответил Гуров.

– Их ты тоже подозреваешь? – удивился Крячко. – И участкового?

– Нет, последних двух я бы исключил из общего списка. Просто посчитал для формы. С некоторой натяжкой я бы рискнул убрать из этого перечня и Зинаиду с Галиной. Андрей пока вызывает не так много подозрений.

– Я не стал бы исключать его. Да и Галину тоже.

– Я опираюсь на факты. У шести человек реально были мотивы и возможности. Еще трое в подвешенном состоянии. Практически все ненавидели невинно убиенного господина Роточкова.

– Судя по тому, что мы о нем узнали, он это вполне заслужил, – заявил Крячко. – Я бы и сам его возненавидел. До убийства у меня, конечно, не дошло бы. Кстати, тебе не кажется, что пора выпустить Зиночку из-под ареста, раз ты и сам готов убрать ее из списка подозреваемых?

Гуров сокрушенно покачал головой. Так или иначе, но настырному напарнику удалось выдернуть его из мрачного, задумчивого состояния.

– Ты только об этом и думаешь, Стас.

– Не только. Но согласись, Лева, что прессовать бедную девушку больше всех как-то не по-джентльменски. Она взаперти, а остальные подозреваемые спокойно разгуливают по территории. Жрут, пьют.

– Пусть остается там, где она сейчас, – решительно произнес Гуров. – Так будет лучше для ее же безопасности.

– Не понял?

– Я успел убедиться в том, что Зинаиду в этом доме ненавидят ничуть не меньше, чем покойного Роточкова. Не хочу, чтобы она стала очередной жертвой.

Крячко хотел было что-то возразить, но не успел. В кармане его пиджака зазвонил мобильник.

Станислав недовольно насупился, но на вызов все же ответил:

– Полковник Крячко! Что?.. Да-да. Внимательно вас слушаю. Очень хорошо. Спасибо. Это то, на что я и рассчитывал, милая барышня. Постойте! У меня к вам будет еще одна просьба. Не откажите вашему тайному воздыхателю. Вы можете перекинуть мне эту информацию? Ящик? Да, конечно. Одну секунду. – Сыщик прошел к столу, склонился над портативным ноутбуком, нажал несколько клавиш, а затем продиктовал собеседнице электронный адрес. – Еще раз огромное вам спасибо. С нетерпением буду ждать. Конечно. При личной встрече с меня цветы и коробка конфет. Ого! Это взаимно. Поверьте. – Продолжая сиять, Крячко отключил связь и опустил мобильник обратно в карман. – Вот так-то, Лева, – с победным видом обратился он к напарнику. – Не только лейтенант умеет добывать нужную информацию. Старик Крячко тоже еще на что-то способен.

– Что ты узнал?

– Ну, скажем так, у нас появилось на одного реального подозреваемого больше. Сверх тех шести, которых ты уже очертил.

– Кто на этот раз?

– Павел Воронов.

Гуров нахмурился:

– Так я и не снимал с него подозрений. А что там случилось еще?

– Я взял на себя смелость покопаться в их с Роточковым совместном бизнесе. Попросил поднять кое-какие бумаги за последнее время. Мне попалась очень приятная девушка.

– Это я уже понял. Что конкретно ты узнал?

Станислав раскрыл было рот, но тут же предусмотрительно захлопнул его. В дальнем конце холла возникла мужеподобная фигура Галины Роточковой. Она стояла, слегка ссутулившись и безвольно опустив длинные руки вдоль тела. Нерасчесанные свалывшиеся волосы скрывали половину ее лица. На Галине были джинсовые бриджи, с трудом натянутые на широкие бедра. Нелепая пестрая блузка висела на женщине гораздо хуже, чем на вешалке. Огромные ступни на этот раз скрывались под носками сомнительной чистоты.

Крячко привычно потянулся к оружию в наплечной кобуре. Гуров проследил за взглядом напарника.

– Галина? – Он приветствовал даму галантным наклоном головы. – Вы что-то хотели?

– Да, – глухо откликнулась она. – Мне нужно поговорить. Это важно. Очень. Кто у вас тут главный?

– Вообще-то мы с полковником Крячко находимся в одинаковых званиях и, по сути...

Станислав дернул напарника за рукав. Гуров повернул голову. Умоляющий взгляд Крячко сказал ему обо всем. Лев Иванович едва удержался от того, чтобы подложить приятно дружескую свинью. Причем в прямом и переносном смысле этого слова.

– Но главный я, – сказал он Галине. – Вы хотите поговорить со мной?

– Да.

Крячко облегченно выдохнул.

– Присаживайтесь, – Гуров указал женщине на кресло перед собой.

Но Галина отрицательно покачала головой и сказала:

– Лучше не здесь. Давайте пройдемся по саду, полковник...

– Гуров.

– Да. Полковник Гуров. – Нижняя губа Галины немного подрагивала. – Вы не против пройтись? С некоторых пор этот дом давит на меня. На улице мне будет лучше.

– Хорошо, – согласился сыщик. – Давайте пройдемся. Где ваша обувь?

Галина опустила глаза. Сыщику показалось, будто она только в эту минуту заметила, что стоит в одних носках. Женщина вздрогнула. Данное обстоятельство повергло ее в затруднительное положение. Крячко растегнул кобуру.

– Я найду, что обуть, – пообещала она после небольшой паузы.

– Тогда идемте.

Гуров двинулся ей навстречу, и они вместе покинули холл. Крячко молча смотрел им вслед, пока оба не скрылись из виду. Только после этого он позволил себе застегнуть кобуру.

– Вот ведь что на свете бывает, – буркнул он себе под нос. – Такая красotka способна убить любое желание. Хорошо, если не навсегда. – Станислав сунул в рот сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся едким табачным дымом.

9 часов 23 минуты

– Мне нужно уехать! – заявил Воронов, едва Крячко пересек порог гостиной комнаты, расположенной на втором этаже.

Павел был уже, что называется, при полном параде. Белая рубашка, костюм, аккуратно повязанный галстук, чисто выбритые щеки. В правой руке он держал компактный кейс серебристого цвета. Ботинки начищены до блеска.

– Это невозможно, – Крячко покачал головой.

– Напротив, – не согласился Воронов. – Это мне никак невозможно оставаться здесь дольше. Меня ждут.

– Могу я поинтересоваться, кто именно?

Станислав встал таким образом, чтобы Павел не смог покинуть пределы комнаты, широко расставил ноги, скрестил руки на груди. Сыщик не собирался демонстрировать свое преимущество. Как раз наоборот. Он являл собой полное спокойствие и уверенность. В отличие от Галины, Павел не вызывал у полковника никаких опасений.

– Не кто, а что. – Павел взял со стола бумажник, сунул его во внутренний карман пиджака, затем передумал и переложил в правый боковой.

Сыщик невольно отметил суетливость движений бизнесмена.

– Меня ждут дела, полковник. Я полагаю, вы и сами знаете, что такое должностные обязанности, и обязаны понимать всю серьезность ситуации, сложившейся в компании, за которую я теперь отвечаю. Один из учредителей убит, второй, по сути дела, находится под следствием. Фирма обезглавлена, оставлена без руководства. Как, по вашему мнению, должны реагировать на это сотрудники?

– Как?

– Они в панике. Вот как. Люди не знают, что делать, что будет с ними со всеми завтра. Бизнес не должен страдать из-за того, что Кирилла не стало. Я созвонился с нашим управляющим и попросил собрать руководящий персонал на экстренное совещание. На десять ноль-ноль. – Павел бросил взгляд на наручные часы. – Сами видите, что времени у меня осталось немного. Я должен ехать. Не люблю опаздывать. Множество вопросов без меня никто решить не сможет. Я должен присутствовать лично. Понимаете?

– Понимаю, – все так же спокойно и невозмутимо отреагировал Крячко. – Более того, я догадываюсь, что это за вопросы. Должно быть, они напрямую связаны с архангельским заводом по пошиву одежды? Не так ли?

– Что? – Павел пристроил во рту сигарету, щелкнул зажигалкой, но замер, так и не прикурив. – Откуда вы об этом узнали?

– Работа у нас такая. Все про всех узнавать. Что у вас в чемоданчике, Павел?

Воронов невольно отступил на шаг.

– Документы. Какая вам разница?

– Те самые? – Крячко буквально буравил взглядом собеседника. – Контракты с архангельским заводом? Вы торопитесь поскорее их подписать?

– Там разные документы.

Неприкуренная сигарета по-прежнему свисала с нижней губы Воронова. Огонек зажигалки успел погаснуть.

– Позвольте взглянуть, – полковник требовательно протянул руку.

Но Павел не подчинился ни этому жесту, ни словам. Напротив, его ладонь еще плотнее сжала металлическую ручку серебристого кейса. Костяшки пальцев побелели от напряжения.

– Вы не имеете права, – растерянно пробормотал он. – Это конфиденциальная информация. Исключительно для личного пользования. Чтобы забрать ее у меня, вам нужно специальное разрешение.

– Разрешение будет, – заверил Крячко. – Присядьте, Павел. Нам с вами все же придется пообщаться. Может быть, по всей строгости закона.

– Мне нужно ехать. Меня ждут!

– Не извольте беспокоиться. Никто вас не ждет. – Станислав пододвинул к себе стул и сел, все так же перекрывая Воронову путь к двери. – Совещания не будет. Коробов никого не соберет. Его самого сейчас везут сюда для допроса.

Павел, не глядя, опустил на край кровати, положил кейс к себе на колени, вынул изо рта сигарету, смял ее и в таком виде сунул в карман брюк. Крошки табака просыпались на пол.

– Зачем? – Его голос дрогнул совсем чуть-чуть, едва заметно, но этот факт не укрылся от тонкого слуха Крячко. – Зачем вам Коробов? Какое отношение он имеет к тому, что случилось здесь?

– Это конфиденциальная информация, – процитировал собеседника Крячко, точно симитировав его интонацию. – Лучше поведаете мне о тех махинациях, которые вы планировали проверить за спиной Роточкова. С архангельским заводом.

– Да не было никаких махинаций! – Раздражение Воронова нарастало. – Нам поступило выгодное предложение от партнеров. Я посчитал, что упускать такой шанс нельзя.

– Но Роточков высказался против, – подсказал Станислав.

– Да. – Павел полез в пачку за новой сигаретой, не выпуская при этом кейс из рук. – Поймите, дело вот в чем. Я попытаюсь объяснить вам в общих чертах принцип ведения нашего бизнеса.

– В общих чертах он мне уже известен, – оgoroшил собеседника сыщик. – У вас с Роточковым три ресторана и семь брендовых магазинов модной одежды для мужчин и женщин, поступления в которые идут из коллекций первой линии. В крайнем случае из второй. Все правильно? Я ничего не путаю?

– Да. Все верно. – Воронов закурил. – Вы действительно успели навести справки.

– Повторяю, это наша работа. А теперь перейдем к архангельскому заводу. Вам поступило предложение, как вы сами только что сказали. Какого рода? Забросить первую и вторую линии, перейти на отечественный ширпотреб, к которому пришиты знаменитые лейблы?

– Не совсем так, – помолчав немного, выдал из себя Павел. – Для того чтобы понять, чем мы занимаемся, нужно немного лучше разбираться в нашем бизнесе. Вы существенно перегибаете палку, полковник. Тут нет никаких махинаций. Только экономия. Я пытался то же самое объяснить Кириллу, но он меня не понял. Точнее, просто не захотел, был чертовски упрям и непреклонен. Архангельск предлагал нам очень выгодные условия. Себестоимость закупаемой продукции намного ниже. Почти на девяносто процентов. А реализация та же. Это ведь миллионные прибыли! – Воронов дважды энергично хлопнул по корпусу своего серебристого кейса.

На дымящейся сигарете образовался длинный столбик пепла, готовый сорваться в любой момент.

– Но качество продукции? – не согласился Крячко. – Оно ведь обязательно пострадает.

– Вы говорите точно так же, как и Кирилл. – Павел поморщился: – Да. Оно немного пострадало бы. Это факт. Но настолько незначительно, что никто ни о чем не догадался бы.

– А каков был ваш откат в этом деле? – продолжал гнуть свою линию полковник.

– Это имеет значение?

– Боюсь, огромное, Павел.

– Хорошо. – Воронов понурился. – Я вам скажу. Но очень прошу учесть один факт. Я озвучу его позже? Можно?

– Как вам будет угодно.

– Всю жизнь я был вторым, – пустился в исповедь Воронов, до неприличия тиская пальцами свой кейс. – Сколько себя помню. И в боксе, когда мы с Кириллом начинали вместе. И в бизнесе, когда он фактически приютил меня и взял на поруки. А с Архангельском мне вдруг подфартило. Люди вышли на меня и сделали хорошее предложение. Откат? Да, само собой. Я мог снять на этом пол-лимона сразу и иметь немалую долю в дальнейшем. В перспективе. Что терял от этого бизнес? Ровным счетом ничего. Почти никто из наших потребителей не может отличить качественный продукт от подделки. Что они в этом смыслят? Я

не стану отрицать, что хотел денег, полковник. Больших, настоящих! А кто их не желает? Разве что полные дегенераты или прожженные альтруисты? Но я-то плевать на таких хотел! Я устал быть в тени, под вторым номером. А Кирилл!.. Ну, его-то, понятно, и так все устраивало. Когда это он о других думал? В общем, Роточков наотрез отказался от сделки с архангельскими поставщиками.

– А теперь решение принимаете вы? Сделка состоится. Очень удобно.

– На что вы намекаете? – Воронов вскочил.

Его реакция совсем не понравилась полковнику, и он тоже поднялся со стула. Такие вот глаза, горящие злобой, Станиславу приходилось видеть не единожды.

– Я ни на что не намекаю, Павел, просто констатирую факт. Роточков умер слишком своевременно. Для вас.

– Я не...

– Вы убили его, Павел?

– Да как вы смеете! Что за абсурдные предположения? Я не позволю вам разговаривать со мной в таком тоне, бросаться обвинениями в мой адрес. Пропустите меня! Немедленно!

Воронов с покрасневшим от гнева лицом шагнул к выходу из комнаты, но Крячко преградил ему путь. Павел словно наткнулся на кирпичную стену. Он раздраженно толкнул сыщика кейсом в грудь, но это не возымело никакого результата.

– Сядьте на место, Павел! – распорядился полковник. – Не стоит усугублять ситуацию.

Однако его слова привели к совершенно иному результату. Воронов опустил левую руку с кейсом и резко выбросил вперед правую, целясь кулаком в лицо полковника. Крячко легко ушел от удара. Костяшки пальцев противника легонько чиркнули ему по щеке.

Полковник стремительно перегруппировался, нырнул вниз, ударил Павла в живот, а затем вполне профессионально поддел его мощнейшим апперкотом. Основы бокса Станиславу были знакомы не понаслышке, а вот Воронов, напротив, судя по всему, все навыки молодости успел растерять.

Он пропустил столь быструю и сокрушительную контратаку, что не устоял на ногах. Зубы громко клацнули, голова запрокинулась. Павел в отчаянии взмахнул руками, надеясь удержать равновесие, но в итоге опрокинулся на спину.

Кейс отлетел к ближней ножке стола. Станислав прошел вперед, нагнулся и подобрал его.

– Нет! – Павел перевернулся на живот, сумел подняться на четвереньки, потряс головой, чтобы обрести чувство реальности. – Не трогайте! Не смейте! Это не ваше!..

– За сохранность содержимого можете не беспокоиться, – невозмутимо отозвался Крячко. – Вам вернут все согласно описи. А вот за нападение на сотрудника полиции, находящегося при исполнении, ответить, я думаю, придется. Не стану пока надевать на вас наручники, Павел, но не рекомендую покидать пределы этой комнаты. Я пришлю человека, чтобы он проследил за вами.

– Постойте! – окликнул сыщика Воронов, когда тот уже переступил порог комнаты.

Станислав неохотно повернул голову.

– Я не знаю, зачем вам понадобился Коробов, но не верьте ни одному его слову! Что бы он вам про меня ни говорил. Клянусь, это ложь!

Крячко равнодушно пожал плечами и сказал:

– Чтобы понять это, для начала надо выслушать Коробова. А там посмотрим.

– Не верьте ему!..

Павел с трудом поднялся на ноги. Его качнуло, и он вновь не оказался распластанным на полу только благодаря тому, что успел ухватиться за спинку кресла.

– Я не виновен, полковник.

Но Крячко уже вышел из комнаты.

9 часов 27 минут

Они обогнули дом, миновали беседку и остановились возле бассейна. Гуров держался немного позади Галины и не торопился начинать разговор. Женщина сама изъявила желание сказать сыщику что-то важное, и торопить ее не стоило.

– Я помню, как его построили, – совершенно не к месту начала Галина, глядя на неподвижную гладь воды.

Ее плечи ссутулились еще больше, подбородок касался груди, голос звучал глухо и надрывно. Сыщику казалось, что она сдерживается, не позволяет себе разрыдаться.

– Раньше на этом месте был цветник, а потом Кирилл решил вырыть бассейн. Большой, как он сам тогда сказал, для всей семьи. Я помню, как рабочие трудились тут день и ночь. Они очень быстро управились. За трое суток. Мне нравилось сидеть в беседке и наблюдать за их работой. – Галина неторопливо достала из заднего кармана бриджей пачку сигарет и закурила, вернее, сделала вид.

По тому, как она затягивалась и густо выпускала дым, Гуров понял, что курить женщина не умеет. Возможно, это была ее первая попытка.

– А потом я здесь учила Антона плавать, – продолжила Галина. – Он не хотел, не любил это дело. Но Кирилл настоял на том, чтобы сын научился. Я занималась с ним по два часа в день. Строго по расписанию, утвержденному Кириллом.

Галина не выкурила и половины сигареты. Она достала ее изо рта, пару секунд внимательно наблюдала за тем, как неровная струйка дыма поднимается вверх, а затем бросила окурок в бассейн.

Женщина резко развернулась лицом к сыщику и спросила:

– Скажите, зачем вы его здесь держите?

– Кого?

– Антона. Зачем вы привезли его сюда, допрашивали, а потом запретили ему покидать территорию? Он ведь ни в чем не виноват, не имеет никакого отношения к убийству Кирилла.

– Он был здесь вчера вечером, – тактично напомнил Гуров.

– Вот именно. Вечером. А Кирилла убили ночью. Антона здесь уже не было.

– Мы обязаны это проверить. У Антона нет надежного алиби.

– Вообще-то есть, – не согласилась Галина и тряхнула грязными нечесаными волосами. – Я уже сообщила вам, что разговаривала с ним по телефону. Он был дома...

– Простите, – перебил женщину Гуров. – При всем моем уважении к вам, Галина, вы не можете являться полноценным свидетелем, так как сами находитесь в числе подозреваемых. Если уж вы так хотите помочь племяннику, то лучше расскажите мне о причине его натянутых отношений с отцом. Это из-за той истории с невестой Антона?

Галина свирепо раздула ноздри, от чего ее лицо, и без того некрасивое от природы, сделалось еще более безобразным и отталкивающим.

– Вам уже и про это успели рассказать? Кто?

– Я не могу озвучить вам имя свидетеля. Да и какое это имеет значение? Разве так важно, кто предоставил нам эту информацию?

– Наверное, неважно, – неохотно согласилась женщина и снова повернулась к бассейну.

Ее ноги, обутые в резиновые галоши поверх носков, монотонно подергивались в нервном тике.

– История с Татьяной была очень некрасивой. Кирилл просто перешел всяческие границы. Поступить так с Антоном!.. Ведь он действительно любил эту девушку. У них все могло сложиться. Но Кирилл умудрился и тут влезть и все испортить. Удивительный талант к разрушению. Полное отсутствие каких-либо моральных устоев. Однако история с Таней скорее была кульминацией отношений между отцом и сыном. Она поставила в них жирную точку.

– То есть разлад наметился раньше?

– С детства, – сказала Галина. – С самого раннего. Кирилл только и делал, что указывал Антону, как ему жить. Что можно делать, а что нельзя. В принципе, он поступал так со всеми. Со мной, с Олегом, с Наташей. Но у ребенка другая психика. Слишком ранимая. С этим нельзя не считаться.

Сыщик решил осторожно подвести разговор к персоне самой Галины и заявил:

– Насколько я понял, воспитанием Антона в основном занимались вы. Верно?

– Да, – ответила она после небольшой паузы. – Как-то так случилось. Кириллу он был не нужен. Как человек, который должен был продолжить дела, – да, пожалуй. Но не как сын, родная душа. С Наташей то же самое. У нее вечно не хватало времени на ребенка. Да и желания, честно говоря, тоже.

– Это немного странно... – протянул Гуров.

– А у нас вообще очень странное семейство. – Женщина все еще стояла спиной к сыщику. – Вы разве этого еще не заметили? Антон-то как раз, пожалуй, единственный нормальный человек из всех. Я очень привязана к нему. Думаю, что и он ко мне тоже.

– Это как раз неудивительно, если вы его воспитывали. – Гуров тактично откашлялся в кулак и осведомился: – Могу я задать вам личный вопрос, Галина?

– Задавайте, – равнодушно разрешила она.

– Почему вы так и не обзавелись семьей?

Ее плечи вздрогнули. Нервное подергивание ногами тоже усилилось. Рука потянулась к пачке сигарет в заднем кармане, но так и не завершила начатого движения, зависла в воздухе в неестественном положении.

– Я уже говорила об этом. – В голосе женщины смешались обида и раздражение. – По той же причине, что и Антон. Из-за Кирилла. Он не дал мне возможности построить личную жизнь. Решал все по-своему. Вот и дорешался.

– А возможность была?

– Какая возможность?

– Построить личную жизнь.

Галина прекратила дрыгать ногами. На мгновение сыщику даже показалась, что ее спина распрямилась. Но взгляд женщины по-прежнему был устремлен на воду в бассейне. Она избегала поворачиваться к полковнику лицом.

– Была. Но уже очень давно.

– С Андреем Дорониным?

Галина грустно хмыкнула и сказала:

– В этом доме слишком много болтают, либо вы и впрямь хороший детектив. Выудить так много информации за столь короткий срок!.. – Она присела на корточки, подняла с земли сухую ветку, чуть нагнулась и оттолкнула от бортика бассейна окурки, недавно брошенные ею в воду.

Галина проследила взглядом за его перемещением и продолжила:

– Мы с Андреем могли пожениться. Трудно сказать, насколько счастливым оказался бы наш брак и что из этого могло получиться. Один Господь Бог знает. Но роль Всевышнего в той давней истории, как обычно, взял на себя Кирилл и растоптал все. И мне, и Андрею пришлось смириться. Не скажу, что это было так уж просто.

– Я слышал, что после того случая вы лежали в специальной клинике.

– Не пытайтесь быть излишне корректным, полковник. – Галина едва слышно хихикнула. – Называйте вещи своими именами. Я лежала в «дурке». Да, это было. Я отдыхала там дважды. Первый раз после неудачной попытки наложить на себя руки. Сразу за разрывом с Андреем. Я переживала не столько данный факт, сколько тот момент, что он даже не стал за меня бороться. Побоялся. А второй раз Кирилл отправил меня в «дурку», когда в моей

жизни возникли проблемы с алкоголем. Но знаете что, полковник? Тогда уже мне помогли не врачи. Я спасла себя сама.

– Каким образом?

– Я поняла, что не должна умирать, мне есть ради кого жить. Без меня Антон не справился бы, остался бы совсем один. Теперь вы понимаете, почему я прошу вас снять с него подозрения, отпустить парня и дать ему возможность жить спокойно?

– Прекрасно понимаю, – ответил Гуров. – Но пойти навстречу вашему пожеланию никак не могу. Есть определенная процессуальная система, нарушить которую я попросту не имею права.

Галина распрямилась, отбросила ветку и все-таки повернулась лицом к сыщику. Глаза ее были красными и мокрыми от слез. Она откинула со лба прядь нечесанных волос.

– А если я скажу вам, что убила Кирилла? – с вызовом произнесла женщина, голос которой чуть дрогнул от волнения. – Тогда все закончится? Дело закроют?

– Не совсем, – ответил полковник и покачал головой. – Чистосердечное признание, конечно, облегчит дело, но не поставит в нем окончательной точки. Будет проведен ряд следственных экспериментов. Мы проверим ваши показания. И, наконец, самое главное: оружие убийства. Мы до сих пор не нашли его. Если вы убили вашего брата, то обязаны знать, где оно находится. Предъявите его.

– Я его выбросила, – быстро ответила Галина.

– Куда?

Она колебалась, не отвечала.

В том, что женщина лжет и намеренно оговаривает себя, Гуров не сомневался ни на секунду. Ему уже приходилось сталкиваться с такими штуками за время долгой карьеры. Вопрос заключался только в том, зачем она это делает. Кого-то выгораживает? Знает, что он ей не верит, и таким вот хитрым способом отводит подозрения от себя самой? Или ей просто импонирует роль мученицы?

– Я не обратила внимания. Выкинула, да и все. – Галина пожала плечами.

Гуров вздохнул и сказал:

– Хорошо. Будем считать, что я принял к сведению ваше заявление. Если желаете, можете даже изложить его в письменном виде, чтобы мы могли приобщить бумагу к делу.

– Желаю.

– Но повторю, на данном этапе это ничего не изменит, – откровенно сказал полковник. – Никто не будет отпущен, все останутся в доме.

– И Антон?

– Он – не исключение из правил.

– Но почему?! – Женщина готова была наброситься на Гурова с кулаками, схватить его за грудки, встряхнуть как следует. – Я же призналась в убийстве! Этого мало?

– Мало.

Лев Иванович подумал, что если процесс окажется необратимым, то ему придется вызывать специальную машину «Скорой помощи». Галина явно находилась на пути к третьему визиту в клинику.

Гуров приблизился к женщине и осторожно взял ее за руку, чуть выше локтя. Мышцы Галины были настолько напряжены, что казались на ощупь почти деревянными.

– Я верю, что вы действительно хотите нам помочь. – Голос сыщика звучал успокаивающе. – Поэтому лучше не делать никаких ложных признаний и не запутывать следствие. Я могу понять вашу боль и волнение, Галина. Должно быть, вы сильно ненавидели Кирилла.

– Ненавидела – это еще слабо сказано, – заявила она.

Рука женщины по-прежнему оставалась в ладони Гурова. Он слегка потянул ее на себя. Галина покорно последовала за сыщиком по тропинке, ведущей к дому.

– Вам нужно успокоиться и постараться вспомнить все события минувшего вечера, – сказал полковник. – Возможно, какие-то ваши слова направят следствие в нужное русло.

Она отрицательно затрясла головой и заявила:

– Я ничего не могу вспомнить. Я рано ушла к себе в комнату.

– И сразу уснули?

– Наверное. Не помню.

– Вы принимаете какие-нибудь лекарства, Галина?

– Да.

На небе сгустились тучи. Накрапывал мелкий дождик. Они вошли в дом с черного хода.

9 часов 49 минут

Коробов дрожал как осиновый лист на ветру. Он был бледен и испуган, что никак не гармонировало с его мужественной внешностью. Широкие плечи, скуластое лицо, массивный квадратный подбородок, украшенный стильной мефистофельской бородкой. Стального цвета пиджак Валерия Владимировича еще хранил на себе темные крапинки дождя. Однако волосы, зализанные назад, выглядели абсолютно сухими.

Беспалов несколько бесцеремонно подтолкнул Коробова в спину. Тот вынужден был переступить порог гостиной.

Гуров, расположившийся во главе стола, встретил очередного подозреваемого пристальным колющим взглядом. Крячко занял место слева от напарника. Его могучие кулаки лежали поверх скатерти как наглядная демонстрация реальной угрозы.

– Проходите, Виталий Владимирович, и садитесь. – Гуров указал рукой на стул, стоявший в центре помещения. – Мы, если вы еще не поняли, сотрудники уголовного розыска, и у нас имеется пара серьезных вопросов к вам.

– Ко мне? – Коробов быстро огляделся по сторонам.

Видимо, он ожидал, что в гостиной будет присутствовать кто-то еще из обитателей дома, но их не было. Осторожно, словно ступал босиком по горящим углям, Виталий прошел к стулу и опустился на самый его краешек.

– Да, именно к вам. Вы уже, полагаю, знаете об убийстве Кирилла Роточкова?

– Да. Мне сообщили.

– Кто? – Гуров был краток.

– Мне позвонил Воронов.

– В котором часу?

– Не помню точно. – Коробов растерялся. – В районе шести, наверное. Или что-то около того.

– А во сколько вы сами покинули дом Роточкова?

– Этот?

Страх плескался в глазах Виталия, как океан, разбушевавшийся во время шторма. В тщетной попытке скрыть его он повернул голову и посмотрел на лейтенанта Беспалова, стоявшего позади него, затем перевел взгляд на Крячко и зачем-то смахнул с рукава пиджака несуществующие пылинки.

– Да, – подтвердил Гуров. – Вы ведь были здесь на дне рождения Роточкова, не так ли?

– Нет, на день рождения меня никто не звал. Господи!.. Объясните мне наконец, в чем дело? Я не выдержу этого. У меня слабое сердце, я – прирожденный гипертоник, – проговорил Коробов и сунул руку под пиджак.

Оперативники мгновенно насторожились. Но, как оказалось, Виталий просто положил ладонь на грудь слева, где сердце. Вид у него действительно был болезненный. От страха запросто мог лишиться чувств.

– Что вы хотите узнать? Говорите прямо или отпустите меня. Мне нужно лекарство принимать по часам, а я не захватил с собой таблетки. Все случилось так быстро. Этот ваш

лейтенант!.. Он буквально затолкал меня в машину, как какого-то рецидивиста. А ведь я законопослушный человек. Уверяю вас...

– Успокойтесь, господин Коробов, – прервал тираду перепуганного управляющего Гуров. – Никто вас ни в чем не обвиняет. Пока, во всяком случае. Мы лишь намерены выяснить все обстоятельства минувшего вечера. Вы были здесь вчера?

– Был, – не стал отрицать Виталий. – Но не на дне рождения. Боссу никогда и в голову не пришло бы пригласить меня как равного. Я позвонил ему в восемь вечера и сказал, что имею бумаги, требующие его немедленной подписи. Это касается санитарных норм наших ресторанов. Проверка проводится в начале каждого месяца. Мне сказали, что придут завтра. То бишь уже сегодня. Прямо с утра. Нужны были подписи Кирилла Александровича. Как я и сказал, мы созвонились с ним, и он велел мне привезти бумаги сюда. Я так и сделал. Доставил документы, заодно вручил скромный подарок. Не мог же я явиться с пустыми руками. Это было бы совсем некрасиво. Понимаете?..

– Понимаем, – сказал Гуров. – А что было после того, как Кирилл Александрович подписал нужные документы?

– Ничего. – Коробов продолжал держаться за сердце.

Губы его пересохли. Он время от времени проводил по ним кончиком языка, но это не сильно помогало.

– Он подписал, и я уехал. Поэтому не знаю, что происходило тут дальше.

– Значит, сразу уехали? – уточнил Гуров и жестом показал Крячко, что надо сделать.

Станислав неохотно поднялся, наполнил стакан водой из графина и вручил его Коробову.

Тот машинально сделал пару мелких глотков.

Стакан он не вернул, поставил его себе на колено и ответил:

– Почти. Я пробыл здесь никак не более десяти-пятнадцати минут.

– Странно. – Лев Иванович нахмурился: – А вот у нас имеется иная информация, господин Коробов.

– Что?.. Какая еще информация? Господи, да не томите вы! Хотите, чтобы у меня удар случился?

– Не хотим.

– Так говорите! Что у вас за информация?

– Вы не уехали вчера, Виталий Владимирович, а только сделали вид. Да, вы покинули дом и прошли к машине, но потом отпустили водителя и вернулись обратно. Вы вошли в дом с черного хода. Скажете, не было такого?

Коробов дернулся всем телом так, словно сквозь него прошел заряд электрического тока. Стакан упал на пол, но не разбился. Остатки воды выплеснулись Виталию на брюки.

По-прежнему держа руку под пиджаком, он вскочил на ноги и бросился к двери. Там Коробов ткнулся головой в широкую грудь лейтенанта и отлетел от него. Виталий метнулся к окну, попытался распахнуть его, завозился со шпингалетом. Он сломал ноготь, чертыхнулся, тихо, по-щенячьи, заскулил и сполз на пол, опираясь свободной рукой о подлокотник дивана.

Все эти метания Коробова заняли не более полуминуты. За это время ни один из оперативников даже не пошевелился.

Лицо Виталия помертвело, покрылось налетом мела.

– Сердце... – простонал он. – Помогите. Боже мой! Я ведь не хотел...

Гуров поднялся на ноги.

– Вызовите «Скорую», лейтенант, – быстро распорядился он. – И найдите в доме аптечку. Наталья Сергеевна должна знать, где у нее какие лекарства. Живее!

Беспалов кинулся исполнять приказание.

Полковник опустил на корточки рядом с Коробовым, проверил пульс.

Крячко перегнулся через стол и спросил:

– Что с ним?

– Думаю, все будет в порядке. Небольшая аритмия присутствует, но на предынфарктное состояние не похоже. Это скорее нервное.

– Шизик, короче, – констатировал Крячко со свойственной ему деликатностью.

– Стас! – одернул его напарник.

– А что? Ты видел, как он тут носился? В зоопарк ходить не надо. Думаю, мы наконец-то отыскали человека, вскрывшего горло Роточкову.

– Помогите!.. – Коробов смотрел на сыщика снизу вверх круглыми от страха глазами. – Я не хочу умирать!

– Вы не умрете, – пообещал Гуров. – «Скорая» уже едет. Может, еще воды?

Виталий молча кивнул.

– Стас, налей.

Крячко буркнул что-то себе под нос, но покорно проследовал к буфету за новым стаканом.

Коробов вцепился пальцами в рукав Гурова.

– Я полгода живу как на иголках, – признался он, часто и неровно дыша.

Похоже, слова полковника о том, что он не умрет, заметно успокоили Виталия.

– Я в постоянном страхе. Господи, как же жутко-то! Просыпаюсь ночью в холодном поту...

– А чего вы боитесь?

– Разоблачения.

Крячко принес стакан воды. Гуров помог Коробову приподняться и сесть прямо на полу.

Виталий привалился затылком к подлокотнику кресла. Он все еще был бледен и продолжал держаться за сердце. Коробов сделал глоток из стакана и кивнул в знак благодарности.

– Мне нужен капотен, – проговорил он. – Это единственное средство, которое помогает мне стабилизировать кровяное давление. Если удастся найти таблетку...

– Мы попробуем. А о каком разоблачении идет речь?

Губы Коробова задрожали. Он попытался подняться, но не смог. Стильный пиджак съехал с правого плеча.

Виталий сделал еще один нервный, поспешный глоток воды.

– Кирилл убил бы меня, если бы узнал, – пролепетал он. – Непременно прикончил бы! Он даже не стал бы разбираться, что к чему. Просто сначала выбил бы мне все зубы, а потом закатал бы в бетон. Знаете, как это делали в девяностых?

– Поэтому вы решили убить его первым? – осведомился Крячко, добрейшей души человек.

– Стас! – Гуров вновь недовольно нахмурился.

– Я просто спросил.

– Нет! Господи! Конечно же, я не убивал его. Я говорю о том, что... – Фраза Коробова так и осталась незаконченной.

В гостиную подобно фурии ворвалась Наталья в развевающемся темно-синем халате, надетом, как невольно успел заметить Станислав, на голое тело. Уж что-что, а такие детали полковник умел подмечать с профессиональной точностью.

– Оставьте его! – не терпящим возражения тоном заявила Наталья.

Она довольно грубо отпихнула Гурова в сторону, опустилась на пол рядом с Коробовым и вложила ему в рот две таблетки.

Тот запил их водой и только после этого запоздало поинтересовался:

– Капотен?

– Да. Пей еще. Сейчас отпустит, – проговорила Наталья.

Виталий осушил стакан до дна, поставил его на пол рядом с диваном, прикрыл глаза.

Женщина распрямилась, обернулась к сыщикам и окинула их грозным, прямо-таки испепеляющим взглядом. Станислав даже невольно поежился.

– Как вам не стыдно? – заявила Наталья, выдержав демонстративную театральную паузу. – Вы разве не видите, что ему плохо?

– Мы вызвали «Скорую», – попытался оправдаться Крячко.

Но женщина проигнорировала его замечание и продолжила гневный монолог:

– У человека приступ, а вы продолжаете засыпать его своими гнусными вопросами! Зачем? Чтобы добить его? На мертвого проще будет списать все преступления?

– Зачем вы так?.. – миролюбиво отозвался Гуров.

– А как? Когда я вошла, это выглядело именно таким образом! – Наталья плотнее запахнула халат.

Теперь Станислав мог без помех лицезреть только ее упругие аппетитные икры и открытые босоножки на высокой шпильке.

– Виталик – натура очень тонкая. Ранимая. С ним так категорически нельзя. Это вам не жлобье какое-нибудь вроде Паши или Андрея. Нужно же хоть немного разбираться в людях. Вы запугали его до смерти.

– На самом деле он сам себя запугал, – внес поправку Крячко и ухмыльнулся.

– Но не без вашей помощи.

– Натуся, все в порядке, – подал голос Коробов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.